ВОССТАНИЕ ГЛАВКОМА МУРАВЬЕВА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГК651
А415

ГК651
А415

В. АЛЕКСЕЕВ

КНИГОСНАБТОРГ
НКС

ВОССТАНИЕ ГЛАВКОМА МУРАВЬЕВА

КРАЕВОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАЛИНГРАД 1936

1986

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГК651
А415Р

БИБЛИОТЕКА
ВПШ М.К.В.К.П.(б)

С.Ф
112
5721
36
726253

I. СТРАНА СОВЕТОВ В НАЧАЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Исключительно тяжелой была весна 1918 года для советской власти. Только что (в марте) был, наконец, с величайшими трудностями, подписан „похабный" Брестский мир с Германией, который враги пытались использовать для возбуждения недовольства против власти Советов.

Даже внутри большевистской партии, благодаря авантюристской позиции Троцкого и „левых" коммунистов во главе с Бухариным, существовали колебания. Величайшей энергии и труда стоило Ленину и его верному соратнику Сталину убедить большинство ЦК в необходимости подписать мир любой ценой, чтобы спасти революцию от разгрома и гибели.

Хозяйственное положение страны было крайне тяжелым. Империалистическая война привела Россию к истощению, разрухе; иссякли запасы продовольствия, останавливался транспорт, заводы, гасли домны, все меньше добывалось топлива.

Уже в начале 1918 года нефти добывалось всего лишь 12% от довоенной добычи и угля 14%. Продукция промышленности России в 1917 году составляла только 79% к уровню 1913 года, а в 1918 году только 35%; стоимость ее с 5620 миллионов рублей в 1913 году упала до 1941. Резко упало число действующих паровозов и вагонов.

Наступление (в феврале месяце) германской оккупационной армии отрезало от центра богатые хлебом районы Украины, а начавшиеся военные операции против оккупантов и развернувшаяся гражданская война остановили производственную и хозяйственную жизнь юга и Донбасса.

Под руководством Ленина и Сталина шла кипучая организационная работа по созданию нового советского государственного аппарата и налаживанию хозяйственной жизни страны, продовольственных организаций, городских, волостных и сельских советов. Энергично вели работы по созданию Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Молодой республике армия была нужна, как воздух. Враги наседали со всех сторон: и внутри страны, и из-за рубежей протягивались вооруженные руки врагов, чтобы свергнуть диктатуру пролетариата и снова водворить помещичье-капиталистический строй в России.

Весной 1918 г. на долю большевиков и лично Ленина выпала тяжелая задача разгромить

эту опасность и повести пролетариат и крестьянство к победе.

Белогвардейцы подняли восстание на Дону, а затем на Кубани. Здесь возникли центры и боевые штабы белого движения. Туда стекались со всех сторон генералы, царские офицеры, помещики и промышленники, туда же бегут после Октябрьской революции меньшевики и эсеры, вроде Савинкова. Словом, собирались все контрреволюционные силы, все сторонники старого порядка.

На Кубани формируется офицерская добровольческая армия, а на Дону армия донского белого казачества во главе с генералом Красновым.

Украину оккупировала германская армия; здесь же орудовали банды Петлюры.

Южные контрреволюционные армии быстро выросли в большую военную силу. Со стороны Украины (на западе) банды петлюровцев, гайдамацкие отряды и, наконец, немецкие войска уже вторгались в пределы Курской губернии, когда товарищ Сталин оформлял в Курске с германским командованием договор о границах и об уводе германских войск с территории РСФСР.

В апреле месяце на Дальнем Востоке начинается ожесточенная борьба советской власти с белогвардейцами, выступившими при поддержке интервентов. В ночь на 5 апреля японские войска, при помощи других империалистических государств, заняли Владивосток.

На севере начиналась гражданская война с русскими и финскими белогвардейцами, поддерживаемыми штыками английской армии.

Внутри страны,—в Москве, в Петрограде,—голодный паек урезывается с каждым днем. В мае выдается только по 1/4 фунта хлеба на едока; голод становится опасным врагом страны Советов. В конце мая Ленин об'являет поход за хлебом. Партия организует продовольственные отряды и посылает их на юг и в центрально-черноземные губернии.

Для организации продовольственного дела на юго-востоке, в качестве особоуполномоченного ЦК партии и Совнаркома, в Царицын выезжает товарищ Сталин. В конце мая белые захватили Ростов и Новочеркасск. Они подходят к Волге, к Царицыну. Дутовские белогвардейские отряды окружили Оренбург.

В центре, в Петрограде, Москве, подпольные белогвардейские организации готовят восстание, собирают свои силы, чтобы нанести смертельный удар революции с тыла, нащупывая слабые, уязвимые места.

Заговор и подготовка контрреволюционных выступлений ведется эсерами, кадетами, меньшевиками. В Москве создается центральный орган белого движения—„Национальный центр", во главе с генералом Алексеевым. В нем принимают участие представители правых партий и эсеры в лице Савинкова. Главная опора „центра"—офицерство. Его используют для создания боевых дружин, для ор-

ганизации восстаний в центральных губерниях, взрывов мостов, заводов, террористических актов, поджогов и убийств. Буржуазия намечает план захвата всей Сибири и отторжения ее от республики Советов.

„Еще с марта 1918 г.,—пишет Гинс (бывший министром в правительстве Колчака),—во всех городах Сибири начались нападения на склады оружия и военных припасов офицерских отрядов". [1]

Таким образом, подготовка контрреволюционного восстания одновременно шла и в центре, и на Дальнем Востоке (десанты японцев в апреле во Владивостоке, банды генерала Хорвата, Семенова), и на севере (десанты англичан в Мурманске), на Урале, где оперировали банды Дутова, в Сибири и на юге.

На Волге возникает фронт так называемой учредиловской армии. Создается правоэсеровское правительство, возглавляемое членами аннулированного революцией Учредительного собрания, поддерживаемое чехо-словацким корпусом.

Выступление этой новой контрреволюционной армии произошло в то время, когда военные силы Советов были оттянуты на юго-западный и юго-восточный участки фронта. Борьба шла на Украине и на Дону, под Царицыным.

Выступившие в мае 1918 года против Сове-

---

[1] Гинс. „Сибирь, союзники и Колчак". Пекин 1921 г.

тов чехо-словацкие войска нанесли молодой республике новый сильный и неожиданный удар.

Образовался новый фронт в самом центре страны, в местах скрещения двух важнейших путей, соединявших центр с провинциями. Волжский путь—артерия, питающая страну топливом,—и железнодорожный Сибирский путь, доставлявший хлеб, оказались отрезанными от Москвы.

Почему именно в тот момент, когда чехам был открыт беспрепятственной выезд во Францию, они подняли восстание?

Главная причина выступления крылась в попытке международного империализма,—капиталистов Англии и Франции,—руками чехословацких солдат задушить революцию и вернуть к власти русскую буржуазию. Чехо-словаки стали орудием крупных капиталистических акционерных обществ, потерявших после Октябрьской революции свои капиталы в России и пытавшихся путем интервенции их вернуть.

Но иностранная интервенция и действия чехо-словацкого корпуса были бы ликвидированы быстро, если бы с ними не слилась внутренняя контрреволюция.

„Разбросанность эшелонов,—пишет Г. Гинс,—ставила чехов в очень тяжелые условия. В случае нападения большевиков, им пришлось бы или позорно разоружиться, или пробиваться силой на протяжении тысячи верст. К то-

му времени, когда проявилось явно враждебное отношение Москвы к чехам (?!—*А. В.*), последние успели завязать тесные сношения с сибирской кооперацией, принявшей на себя снабжение эшелонов продовольствием и фуражом, а через потребительскую кооперацию, почти сплошь эсеровскую по составу, чехи связались и с подпольными антибольшевистскими организациями".

Формальная же причина к открытому выступлению чехо-словаков против советской власти заключалась в отказе от разоружения, которое должно было произойти по заранее выработанному договору между чехо-словацким командованием и советским правительством. Демагогические выпады о „немецком влиянии", о „беззащитности чехов" и т. д., которые посыпались со стороны руководителей чешского движения, конечно, были ложны. Все попытки со стороны советской власти урегулировать вопрос с чехами мирным путем, даже после их контрреволюционного выступления в Челябинске, когда советское правительство все же гарантировало им беспрепятственную отправку во Францию, ни к чему не привели. Чехи не думали сдавать оружия. От отдельных мелких выступлений они перешли к организованной борьбе. С первого июня начались на огромных пространствах от Пензы до Владивостока военные действия против чехо-словаков.

Стремительность выступления чехов, при от-

сутствии в то время у нас боеспособной армии, поставила советскую власть перед серьезным испытанием. Перед Красной Армией, которая только что начинала формироваться, встала крупная военная сила в лице чехо-словацких войск, учредиловской армии и войск сибирского контрреволюционного правительства, возглавлявшегося сперва Сибирской областной думой, а затем директорией.

II. ОБРАЗОВАНИЕ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

На Волге, на всем протяжении между Саратовом и Самарой, и от Уфы до Казани образовался восточный фронт. Этот новый фронт приковал внимание всей партии, вызвал чрезвычайную тревогу за исход начавшихся военных действий у Ленина и Сталина, приехавшего в Царицын в тот самый момент, когда чехо-словацкие войска подошли к окраинам Самары. Выступив в Пензе, затем в Сызрани, части чехо-словацкого корпуса 8 июня ворвались в плохо защищенную Самару; вместе с ними ворвались следовавшие по их пятам белогвардейские отряды во главе с эсерами, членами Учредительного собрания.

Образуется фронт. Отдельные, только что созданные, молодые части Красной Армии и партизанские отряды рабочих, сосредоточиваются на берегах средней Волги для защиты власти Советов, чтобы преградить путь врагу, чтобы локализовать восстание и скорее ликвидировать его.

В несколько дней создается руководство новым фронтом, протяжение которого так же

трудно было установить, как и подсчитать свои силы и учесть силы противника.

Главнокомандующим войсками западного чехо-словацкого фронта, как он назывался в первое время, назначается старый большевик А. Мясников.

Мясников, находясь в Сызрани, не располагал первое время никакими регулярными военными частями, не было у него оперативного военного аппарата.

10 июня Совет Народных Комиссаров обратился с воззванием „Ко всем трудящимся", в котором раз'яснил смысл мятежа чехов, указывая, что „враги рабочего класса делают последнюю отчаянную попытку вернуть себе власть, землю и все богатства. Рабочий и крестьянский люд ненавидят своих вековых угнетателей. Поэтому старые крепостники, эксплоататоры и насильники ищут помощи извне, со стороны иностранных империалистов того или другого лагеря". Разоблачая далее классовый характер образовавшегося, в результате выступления чехо-словаков, сибирского временного правительства, Совнарком раскрывал истинные цели контрреволюционного заговора. „Главная цель заговорщиков,—говорилось в воззвании,—состоит в том, чтобы отрезать Сибирскую дорогу, приостановить подвоз сибирского хлеба и взять голодом Советскую республику".

Указывая далее, что „Совет Народных Комиссаров не вступает, разумеется, ни в какие

переговоры с контрреволюционерами, авантюристами, которые стремятся только выиграть время, чтобы вернее вонзить нож в спину трудовому народу", Совнарком извещал о предпринятых им мерах для подавления мятежа:

„Против мятежников выдвинуты надежные части, обеспеченные всем необходимым снаряжением и вооружением. Захват контрреволюционерами некоторых участков Сибирской железной дороги на время отразится, конечно, на продовольствии голодающей страны. Но взять измором революцию русским, французским и чехословацким империалистам не удастся. На помощь к голодающему северу идет юго-восток. Народный комиссар Сталин, находящийся в Царицыне и руководящий оттуда продовольственной работой на Дону и Кубани, телеграфирует нам об огромных запасах хлеба, которые он надеется в ближайшие недели переправить на север. Как ни тяжело положение страны, но уморить себя голодом советская власть не даст.

А тем временем будет очищен от мятежников Сибирский путь. Для того, чтобы не только достигнуть этого в кратчайший срок, но и смести с лица земли буржуазную измену и обеспечить великую железную дорогу от дальнейших контрреволюционных покушений, Совет Народных Комиссаров считает необходимым принять исключительные меры.

1. В поволжских, сибирских и уральских

уездах, примыкающих к району контрреволюционного восстания, местными совегами будет, по точным указаниям Народного Комиссариата по военным делам, проведена мобилизация военнообязанных пяти последних призывных возрастов.

2. В Москве производится срочно мобилизация солдат-артиллеристов и инженерных войск пяти последних возрастов.

3. Всем совдепам вменяется в обязанность бдительный надзор над местной буржуазией и суровая расправа с заговорщиками.

4. Бывшие офицеры, которые честно и добросовестно работают над воссозданием советской армии, должны, разумеется, пользоваться полной неприкосновенностью и покровительством советских властей. Но офицеры-заговорщики, предатели и сообщники Скоропадского, Краснова, сибирского полковника Иванова, должны беспощадно истребляться.

Рабочие и крестьяне, красноармейцы и честные граждане! Власть в нашей стране принадлежит вам. Ваши вековечные враги угнетатели хотят вырвать у вас власть. Капиталисты всего мира с ненавистью относятся к вам, потому что вы опрокинули власть русских капиталистов и подали революционный пример рабочим всего мира. Вас хотят голодом взять, саботажник и—изменой, чехо-словаки—мятежом. Вас хотят унизить, задушить, раздавить, втоптать в грязь.

Этому не бывать. Освобождение рабочего

класса не достигается в один день. Это — трудная борьба. И мы поведем дальше с вами эту суровую борьбу до полной, окончательной победы.

Долой изменников - насильников! Смерть врагам народа! Да здравствует победа рабочего класса и крестьянской бедноты!

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов-(Ленин).*

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров *В. Бонч-Бруевич*, секретарь *Горбунов.* Москва, 10 июня 1918 г. [1].

„До полной окончательной победы" призвал В. И. Ленин драться с врагами. Трудящиеся горячо отозвались на это обращение своего вождя.

Москва и Петроград посылают своих лучших, преданных делу пролетариата борцов, на местах создаются полки, дивизии, бригады из крестьян и рабочих, из кадров старой армии. Принимаются меры к тому, чтобы, охватив железным кольцом осады белую Самару, ликвидировать белогвардейскую учредиловскую армию.

Восточный фронт с каждым днем увеличивается, растягивается. В связи с этим и с необходимостью более планомерного руководства военными действиями против чехословаков, 14 июня Совнарком утверждает Революцион-

---

[1] „Известия ВЦИК" от 12 июня 1918 г.

ный Военный Совет восточного фронта в составе главнокомандующего Муравьева, комиссара Благонравова и члена военсовета Кобозева. Реввоенсовету передается все руководство операциями против чехов, учредиловских войск, армии Дутова и сибирского контрреволюционного правительства.

18 июня, после упорных и жесточайших боев, в руки белых переходит Сызрань. Белые ведут наступление на Симбирск, прорываясь к нему с двух сторон—от Сызрани по железной дороге и от Сенгилея—Волгой.

Белые сосредоточивают свои силы главным образом на бугульминском, ставропольском, сызранском и сенгилеевском направлениях. Наш фронт был неустойчив, части не совсем стойки и боеспособны, а, главное, малочисленны и раздроблены на совершенно самостоятельные, порознь действовавшие группы войск.

Полупартизанские отряды, конечно, несмотря на весь героизм, не могли долго выдерживать натиск более сильных, хорошо вооруженных чехо-словаков. Например, сенгилеевская группа войск имела всего не более 800 штыков, 80 сабель, 20 пулеметов и 5 пушек.

В это время на Волге начинает организовываться славная Первая революционная армия.

Организация Первой армии прошла успешно, благодаря энергии и организаторскому военному таланту молодого военного работника,

уже в то время показавшего замечательные задатки пролетарского полководца и стратега, М. Н Тухачевского, благодаря огромной энергии Куйбышева Валериана Владимировича и председателя Симбирского комитета РКП(б), руководителя большевистской организации И. М. Варейкиса. Без опыта, без средств и командных кадров, была в кратчайшие сроки создана эта новая армия, столь много сделавшая потом для победы на восточном фронте.

Появляются и кадры командиров, благодаря смелому и обдуманному шагу—призыву в армию старого кадрового офицерства. Тщательная проверка и неустанная бдительность сопутствовали этому мероприятию, оправдавшему себя целиком. Призываются два призывных года, в армию направляются для политической работы коммунисты.

Это укрепление фронта уже вскоре дает возможность Тухачевскому, вместо обороны, перейти против белых в наступление по всему фронту.

Командование Первой армии отдает приказ о наступлении и попутно принимает решительные шаги к укреплению дисциплины в рядах бойцов. В своем воззвании к армии товарищ Тухачевский требует дисциплины и активных действий.

„Наша цель теперь,—говорилось в нем,—возможно скорее отнять у чехо-словаков и контрреволюционеров сообщение с Сибирью и другими хлебными областями, а для этого

ВИЕПИЛОТЕКА ИМЭЛ при Ц.К.В.К.П.(б)

необходимо возможно скорее теперь же продвигаться вперед. Необходимо наступать; всякое промедление смерти подобно.

Но, товарищи, предпринимая наступление, необходимо учесть то обстоятельство, что теперь враг сильнее, чем те малоорганизованные и слабо вооруженные белогвардейские банды, с которыми мы имели дело раньше.

Наши теперешние враги, наемники контрреволюционеров, чехо-словаки представляют хорошо дисциплинированные и испытанные в боях части.

Поэтому до тех пор, пока мы слабо организованы, мало дисциплинированы, мы не в силах ликвидировать мятеж контрреволюционеров и чехо-словаков; мы должны противопоставить им железную революционную самодисциплину.

Самое строгое и неукоснительное исполнение всех приказаний начальства в боевой обстановке без обсуждения того, нужен ли он или не нужен, является первым и необходимым условием нашей победы.

Не бойтесь, товарищи! При посредстве политических комиссаров и других представителей пролетариата при штабах командующих, рабоче-крестьянская власть следит за всеми шагами ваших начальников, и первый же их необдуманный приказ повлечет за собой наказание".[1]

---

[1] Ульяновский архив. Фонд Симбирского губисполкома. Воззвание командарма I от 18 июня 1918 г.

В первых числах июля 1918 года обстановка на фронте начинает меняться в пользу Красной Армии. Почти во всех направлениях продвижение чехо-словацких войск задерживается и восстанавливается некоторое равновесие. Войска I-й армии подступают к Сызрани, а 9 июля приходит уже сообщение о взятии Красной Армией Сызрани и Бугульмы.

III. МЯТЕЖ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ — ПРОЛОГ ИЗМЕНЫ МУРАВЬЕВА

В истории гражданской войны до сих пор остается совершенно неосвещенной измена революции главнокомандующего Красной Армией Муравьева, его мятежа 10 июля 1918 г. Этот выдающийся исторический факт все еще недостаточно освещен, несмотря на то, что ликвидация восстания Муравьева может служить блестящим образцом революционного мужества, отваги и высоких организаторских способностей большевиков. Больше того. Первое время ходило не мало ложных слухов, неверно освещающих события, действующих лиц, их роль в этом выдающемся деле. Нужно сказать, что даже в центральных газетах, например в „Известиях", спустя несколько дней после ликвидации симбирского мятежа и убийства самого Муравьева, проникли неверные сообщения, что он якобы покончил жизнь самоубийством. Необходимо, наконец, с документами и фактами в руках дать полное освещение этому историческому событию, героическому эпизо-

ду нашей революции, показывающему, как блестяще она себя защищала, как превосходно и правильно в данном случае симбирские большевики выполнили свою задачу.

События развернулись в тяжелый для молодой Советской республики момент. Только что закончилась демобилизация старой армии, сплошь бежавшей с фронта и голосовавшей „пятками за мир", как образно выразился тогда Ленин.

Красная Армия только что была организована и, разумеется, весьма условно могла быть названа армией:—она состояла преимущественно из разрозненных рабочих отрядов и красногвардейских рот.

Страна переживала большие продовольственные трудности, ибо юг России, Украина, часть Поволжья и Сибирь,—эти хлебные житницы страны,—оказались отрезанными от центра.

Во время 4-го С'езда Советов в Москве происходит мятеж левых эсеров и провокационное убийство германского посла Мирбаха с целью сорвать Брестский мир. Теперь уже известно, что левые эсеры наметили тогда общий план восстания, который охватывал Москву, Ярославль, Среднее и Нижнее Поволжье. Еще задолго до выступления в Москве, они начали стягивать свои силы в Казань. Туда было направлено несколько членов ЦК левых эсеров В Симбирск прибыло несколько агентов левых эсеров под видом инспекторов военной коллегии. Их возглавлял, как выясни-

лось впоследствии, некий Недашковский. По сговору с левыми эсерами, заручившись их прямой поддержкой, главнокомандующий войсками республики Муравьев, посланный в Казань в качестве главкома восточного фронта, решил поднять восстание против советской власти и организовать контрреволюционное правительство. Не подлежит никакому сомнению, что выступление левых эсеров и полковника Муравьева было заранее подготовлено при определенной поддержке со стороны англо-французских империалистов, которые перед тем организовали чехо-словацкий мятеж.

Июль 1918 года был месяцем развития, расширения восточного фронта. Симбирск, после захвата Самары чехо-словаками, стал как бы центральным стратегическим пунктом в Поволжьи—через Симбирск. Инзу, Пензу, Сызрань, Казань перебрасывались из Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска рабочие отряды и направлялось на фронт вооружение.

Здесь, как мы уже писали, в этот период организовалась Первая армия во главе с товарищем Тухачевским.

Линия поволжского фронта проходила, примерно, от села Ново-Девичьего по правой стороне Волги, а по левой шла несколькими верстами выше Ставрополя; почти вся Волго-Бугульминская железная дорога была в руках советских войск. На сызранско-пензенском направлении наши части сохраняли за собой Сызрань.

На других участках фронта положение также было довольно прочным. По направлению к Бугульме мы достигли ряда успехов, а подошедшие подкрепления давали возможность подготовить в ближайшее время более широкое и активное наступление на Самару, Бугульму, Уфу. Белогвардейцы порывались подняться вверх по Волге, но встречали со стороны Красной Армии серьезный отпор и попытки их кончались неудачей.

В этот для восточного фронта переломный и решительный момент накопления и концентрации наших боевых сил в главном штабе восточного фронта происходит предательство главкома Муравьева. Несмотря на быструю ликвидацию, оно тяжело отразилось на фронте и явилось одной из причин потери в июле и августе ряда городов Поволжья.

IV. ЛИЦО ПРЕДАТЕЛЯ

Назначенный 13 июня главкомом восточного фронта М. А. Муравьев, именовавший себя сторонником левых эсеров и фактически состоявший в этой партии, был довольно видной военной фигурой. Полковник старой армии, он во время Октябрьской революции командовал войсками Петроградского революционного комитета, боровшимися против армии генерала Краснова под Пулковом.

После Октябрьской революции, при наступлении немцев, Муравьев был командующим румынским фронтом, затем командовал советскими войсками на Украине. На Украине он отличался исключительной жестокостью. Эта показная его строгость, исходившая якобы из стремления твердой рукой установить железную дисциплину в рядах Красной Армии, вызывала у многих подозрения. Но его взял под свою защиту Троцкий, восторгавшийся всенными „талантами“ Муравьева. Не случайно это было у Троцкого. Вскоре после убийства Муравьева, он под Казанью и на других фро-

М. А. МУРАВЬЕВ В ФОРМЕ ОФИЦЕРА ЦАРСКОЙ АРМИИ

тах фактически продолжал ту же муравьевскую линию безрассудных расстрелов красноармейцев и политических комиссаров, при очень мягком отношении к старым офицерам, при полном доверии к ним.

Назначение Муравьева на такой ответственный пост, как главнокомандующий восточным фронтом, где нужен был командир специалист, достаточно проверенный или, во всяком случае, не имевший в прошлом так много ошибок, неудач, провалов, отступлений и поражений,— было безусловно ошибочным.

Ленин, глубоко разбиравшийся в людях, необходимых революции, уже при первом назначении Муравьева на Украину отнесся к нему недоверчиво, предупредив Антонова-Овсеенко, что назначение это он не поддерживает. Антонов-Овсеенко пишет: „...Я выбрал Муравьева, несмотря на предупреждение Ленина... Смотрите, на вашу ответственность,— сказал Ленин".

На румынском фронте Муравьев мало помог борьбе пролетариата против оккупантов, белогвардейцев, против гайдамаков и петлюровцев. Формирование красных отрядов, сколачивание частей, способных сражаться против контрреволюции не было делом Муравьева. Он больше любил „блистать", как командующий, в штабах, на заседаниях, принимать рапорты, парады и издавать суровые приказы, стремясь создать этим некий ореол бесстрашия, суровости, личного мужества и воин-

ственности, хотя на самом деле подлинной храбростью он не отличался.

Муравьев был типичной фигурой военного авантюриста, характер, природа которого вскоре раскрылась в его попытках повернуть восточный фронт против Москвы. В Полтаве и Киеве Муравьев поссорился с рабочими организациями, с представителями советов. В Одессе, куда он был переброшен главнокомандующим для борьбы против румынских оккупантов и белогвардейских банд генерала Щербачева, дело окончилось такими же столкновениями. Он старался установить свою личную диктатуру, а предоставленные ему советской властью полномочия он рассматривал лишь как базу для достижения своих бонапартистских диктаторских стремлений. Жажда военной славы и бонапартизм сочетались у Муравьева с вопиющей безграмотностью в военно-оперативных вопросах. Он не только не сумел организовать, а, наоборот, сорвал оборону Одессы, допустив туда немецкую оккупационную армию. После этого Муравьев был отстранен от должности военного руководителя.

Муравьев свою личную персону ставил на первый план: ему надо было блистать, диктаторствовать, ему нужен был внешний блеск, ореол—все остальное должно было служить ему как бы средством, как бы оправой. Муравьев бросался от одной партии к другой,—то он шел с большевиками и работал с ними, боролся в момент наступления Краснова под

Петроградом, то, после своего провала в Одессе, бросается к анархистам и здесь его постигает неудача и арест. Наконец, свое последнее в жизни выступление он связывает с судьбой лево-эсеровской партии.

В конце апреля Муравьева сместили с должности командующего армией на Украине и, до выяснения следствием виновности, заключили под стражу.

Казалось, что такой военный руководитель, дискредитировавший себя перед страной, не оправдавший доверия в военном и политическом отношениях, не должен был более допускаться к военному делу; тем более не было возлагать на него командование всеми войсками республики, командование восточным фронтом. Но, вопреки здравому смыслу, игнорируя все уроки, Троцкий выдвигает Муравьева на пост главнокомандующего восточным фронтом, в тот момент решающим фронтом всей нашей страны.

Достоверно известно, что это назначение было проведено вопреки желанию Ленина и предостережениям Свердлова.

Троцкий преступно относился к назначению на командные посты царских генералов, офицеров, обличаемых чрезвычайной военной властью. Так, в штаб Северо-Кавказского военного округа им был назначен генерал Носович оказавшийся изменником. Как при назначении Носовича в Царицын, так и при назначении полковника Муравьева главнокомандую-

щим восточным фронтом, Троцкий доверил важные посты лицам, которые только что сидели в тюрьме, как враги революции.

Назначенный прямо из тюрьмы, Муравьев в 20-х числах июня направился в Казань, на фронт, где должен был расположиться штаб восточного фронта и военный совет в составе Муравьева, Благонравова и Кобозева.

Прибыв 20 июня в Казань, Муравьев обратился ко всем войскам со своим первым приказом.

Он писал: „Об'явление войскам. Декретом СНК для борьбы с чехо-словаками и контрреволюцией учрежден Революционный военный совет, в составе которого я состою главнокомандующим всеми силами, действующими против восставшей контрреволюции. 18 июня я вступил в командование; как всегда, призываю вас, крестьян и рабочих, солдат и матросов беспощадно бороться за свою власть, которую хотят отнять у вас помещики, капиталисты, чтобы вернуть себе обратно землю и волю, как это они сделали на Украине, Финляндии, Кавказе и Польше. Не скрою своего впечатления, что нет уже у вас больше революционной энергии. Призываю вас всех воспрянуть духом и снова, как один человек, встать на защиту революции, на ее завоевание".

Из этого приказа выходит, что уже нет у рабочих и крестьян революционной энергии и лишь он, Муравьев, теперь способен поднять

дух, поднять всех, как одного человека, на защиту революции.

Столь же беззастенчивы были и все последующие приказы Муравьева. Он абсолютно не интересовался делами на фронте, состоянием армии, отдельных ее частей. Будучи честолюбивым, влюбленным во внешнюю мишуру и парадность, он окружил себя многочисленной свитой офицеров, ад'ютантов, наряженных в яркую форму; он придавал каждому своему появлению на улицах парадность и пышность. Больше всего Муравьев сидел в штабе фронта, окруженный бывшими генералами, причем с первых дней всячески старался дискредитировать действительно преданных, по настоящему боровшихся за советскую власть командиров Красной Армии.

В своем докладе в военный Наркомат Тухачевский дает такую характеристику фронту и действиям Муравьева в те времена:

„...С одобрения товарища председателя Симбирского совдепа Варейкиса и комиссара Калнина, я произвел в Симбирской губернии мобилизацию всех бывших офицеров. 4 июля были отобраны наиболее надежные и опытные элементы и из них удалось сформировать штаб армии и штаб дивизии. После этих мероприятий работа армии стала планомернее и последовательнее".

Дальше Тухачевский останавливается на роли Муравьева в руководстве фронтом:

„...Муравьев, как авантюрист, был чрезвы-

чайно талантлив, но, как полководец, был абсолютной бездарностью; ни к какой организационной и оперативной работе он не был способен; его страстью было вмешиваться в дела подчиненных; на этой почве у меня с ним возникло серьезное недоразумение, так как его вмешательство носило настолько безграмотный характер, что я начал его подозревать в тайных замыслах. Муравьев это заметил и начал мне угрожать расстрелом, а в Революционном военном совете повел против меня кампанию. По плану, который он мне навязывал, вся сила 1-й армии, числом около 8 тысяч человек, разбивалась на 7 колонн для одновременного наступления на фронте около 300 верст, причем 6 колонн должны демонстрировать, а 1 колонна в 300 чел. производить главный удар на Самару.

Я всеми силами противоречил этому плану, т. к. он вел на поражение. Я намеревался использовать Волгу, как коммуникацию продвижения от Симбирска к Самаре, потому что обозов в войсках не было. По моим расчетам, противник не мог оказать серьезного сопротивления. По обоим берегам Волги я намеревался пустить кавалерию и броневые автомашины и небольшие части пехоты на обывательских подводах; по реке впереди должен был идти речной боевой флот, построенный в Симбирске; главная сила до этой линии приблизительно должна была следовать на судах— такой порядок позволял делать около 50 верст

в день. Ко времени операции я намеревался подтянуть к Симбирску большую часть всей армии и все подготовления должны быть закончены к 13—15 июля; после этого я рассчитывал взять Самару в несколько дней. До Усолья и Мусорки подход главных сил был обеспечен, отсюда Ставрополь брался коротким ударом, после чего ошеломленного противника можно было в 3 дня прогнать из Самары. Но все мои расчеты разбил Муравьев. 10 июля он прибыл в Симбирск для личного руководства наступлением на Самару. Значит, все мои расчеты на сосредоточение сил рушились. Это тем более было обидно, что демонстрация этого плана, предпринятая мною в Сызрани, окончилась блестяще. Сызрань была взята. Но до того, как Муравьев прибыл в Симбирск, который он избрал центром своих предательских целей, в Москве произошли большие события, которые собственно и побудили Муравьева ускорить свое выступление". [1]

Восстание в Москве левых эсеров, как выяснилось впоследствии, было связано с организацией заговора внутри Красной Армии и выступлением чехов. Муравьев должен был поднять восстание на фронте одновременно с выступлением эсеров в Москве,—таков был общий план действий, который, однако, потерпел полное крушение как в Москве, так и на Волге, в Симбирске. Левые эсеры высту-

---

[1] Центр. архив Красной Армии, д. № 119-393, л. 194-203.

пили в Москве на 3 дня раньше, чем успел приступить к предательским действиям Муравьев на Волге. Когда в Казани были получены сведения о восстании эсеров в Москве, Муравьев держал себя крайне возбужденно, что не укрылось от членов РВС и заставило их насторожиться.

По словам Благонравова, „весь день перед его от'ездом в Симбирск ничего подозрительного не было, за исключением совещания с левыми эсерами, в частности, с секретарем М. Мироновым, после которого Муравьев казался крайне взволнованным, как бы принявшим какое то решение".[1]

---

[1] Центральный архив Красной Армии, д. № 119-851, л. 14.

V. БЕГСТВО МУРАВЬЕВА ИЗ КАЗАНИ

В ночь на 10 июля Муравьев покинул Казань в сопровождении интернациональных частей и под охраной сербского отряда направился в Симбирск. Свой штаб он расположил на небольшом, но быстроходном пароходе „Межень". План поездки в Симбирск был заранее обдуман и подготовлен. Лишь близкие сторонники и доверенные Муравьева из военного совета знали о действительных целях поездки в Симбирск.

Муравьев при своем отъезде был настолько предусмотрителен, что после отъезда, опасаясь, очевидно, погони, не оставил на пристани в Казани ни одного парохода.

„... Свободного парохода,—доносил Благонравов,—на пристани не оказалось и выехать за ним вслед не представилось возможным" [1].

Военный совет восточного фронта первое время был дезорганизован таким быстрым поворотом событий. Военный совет даже не предупредил симбирские организации об измене и бегстве из Казани Муравьева.

[1] Центр. арх. Красной Армии, д. № №. 119-851, л. 9.

Со своей флотилией Муравьев прибыл в Симбирск 10-го июля, около 3-х часов дня.

Был солнечный день. В городе шла обычная напряженная работа в прифронтовой полосе. В эти дни здесь сосредоточивается основная работа по формированию частей чехословацкого фронта, укреплению I-й армии, подбору комсостава, штабных работников.

Командующий I-й армией Тухачевский, при поддержке и активном участии симбирских большевиков, подготавливал решительное наступление на чехов. После падения Самары и Сызрани, в эти дни впервые было прекращено движение белогвардейцев вверх по Волге.

С каждым днем возрастало значение Симбирска, как важнейшего стратегического центра обороны и военного наступления против чехов и белогвардейцев.

Не случайно Муравьев избрал Симбирск. План успеха восстания Муравьевым строился на том, что в Симбирском губисполкоме левые эсеры имели большинство, а из беспартийных депутатов большая часть также сочувствовала левым эсерам.

До приезда Варейкиса (в конце мая 1918 г.) большевистская организация не имела достаточно четкой линии. Левые эсеры составляли сильную фракцию в исполкоме. В их руках находились продовольственный, военный и земельный комиссариаты. Симбирской группой войск командовал также левый эсер Иванов. С приездом Варейкиса в Симбирск, эсеров на-

И. М. ВАРЕЙКИС
(снимок 1918 г.)

чали теснить и смещать с важнейших постов и фактически руководство губисполкомом вскоре перешло целиком к большевикам.

Теперь большевистская фракция встала на строго принципиальную позицию по отношению с левыми эсерами, не допуская с ними никаких соглашений, блоков и компромиссов. До конца была доведена ясность в вопросе о Брестском мире. С колебаниями, существовавшими до того в организации, было покончено. Симбирская большевистская организация в своем подавляющем большинстве стояла полностью и целиком на позиции Ленина, голосовала против „левых коммунистов", возглавлявшихся Бухариным.

Измена Муравьева выросла в величайшую опасность для всей страны, для восточного фронта в первую очередь.

На симбирских большевиков выпала тяжелая и крайне важная революционная задача — ликвидировать белогвардейский мятеж и возвратить захваченный мятежником Симбирск обратно в руки советской власти. Эта задача, как мы увидим дальше, была вполне успешно выполнена небольшой группой симбирских большевиков.

До приезда в Симбирск, Варейкис находился на Украине, куда он приехал из Подольска (под Москвой). Там он работал на заводе Зингера инструментальщиком. На Украине первое время он работал на екатеринославском машиностроительном заводе Мантеля в каче-

стве токаря. Накануне Октябрьской революции он избирается от фракции большевиков секретарем Екатеринославского совета. В начале 1918 года его посылают в Харьков на областную конференцию Донецко-Криворожского бассейна, где избирают членом областного комитета, а затем секретарем Донецко Криворожского обкома партии большевиков.

Вместе с К. Е. Ворошиловым, Артемом Сергеевым, В. И. Межлауком, Магидовым и Рухимовичем, Варейкис вел здесь партийную и советскую работу. Но непрерывные бои с гайдамаками и петлюровцами, вскоре сменяются сражениями с регулярными войсками германской армии. Несмотря на героическое последовательное сопротивление оккупантам передовых отрядов Красной гвардии, борьба окончилась нашим поражением.

В апреле 1918 года немецкие войска прорвали фронт защитников Криворожской республики.

Вместе с другими товарищами, Варейкис отступает в Ростов, а затем на Волгу, в Царицын. Отсюда, в конце мая, он приезжает в Симбирск. В Симбирск он приехал в такой момент, когда нужна была твердая и решительная, но одновременно выдержанная рука, чтобы раздавить врагов революции (правых эсеров, белогвардейцев и чехов) в Среднем Поволжье. После приезда Варейкиса, партийная работа в Симбирске оживляется.

Имея уже большой опыт партийной работы, а также хорошую марксистскую теоретическую подготовку, Варейкис сразу показал себя прекрасным организатором и руководителем.

Прежде всего, ему пришлось отдаться делу военного строительства и обороны Поволжья от белогвардейцев и чехо-словаков.

В Симбирске никто, кроме группы левых эсеров, не знало о действительных целях приезда Муравьева. Это было его второе посещение Симбирска. Первый раз он приезжал в конце июня, как позже выяснилось, в разведывательных целях, чтобы осмотреться и подготовить обстановку для восстания.

С пристани по телефону сообщили в губисполком и штаб симбирской группы войск, что прибыло несколько пароходов во главе с пароходом „Межень“ и что главком Муравьев просит прибыть к нему на пароход президиум губисполкома и Военный совет симбирской группы войск. Как только прибыли на пароход левые эсеры, во главе с командующим симбирской группой войск Ивановым, Муравьев открыл совещание, на котором участвовал приехавший с ним штаб, состоявший из офицеров. Большевиков, прибывших по его вызову на пароход, он арестовал. По случайным ли причинам или намеренно, но Варейкис задержался в штабе симбирской группы войск и на пароход не поехал. План Муравьева был прост: заманить верхушку большевиков на пароход, аресто-

вать их, захватить город, а в первую очередь важнейшие учреждения... Вскоре в штаб группы войск прибежал один большевик и сообщил, что он встретил, идущий вверх от пристани по Гончаровской улице[1] отряд, расставлявший по улицам пулеметы. Около памятника было брошено несколько ручных бомб. Очевидно взрыв бомб должен был послужить сигналом к восстанию, к захвату города вооруженными силами...

Оказывается, прибыв на пристань, Муравьев немедленно отправил в город несколько отрядов под командой своего старшего ад'ютанта Чудошвилли, поручив ему также арестовать большевиков.

Через час весь город был захвачен Муравьевым. На улицах были расставлены патрули с пулеметами; шесть броневиков из бронеотряда левого эсера Беретти окружили кадетский корпус, где помещался губисполком, губЧК, большевистский комитет и латышский отряд коммунистов. К 7-ми часам вечера центральная часть города Симбирска приняла вид военного лагеря. Выключены все телефоны; вооруженными силами заняты все выходы из здания губисполкома.

Тем временем Муравьев издает приказ арестовать Варейкиса. Выполнить этот приказ его подчиненные не смогли и это имело решающее значение для дальнейшего развития событий.

[1] Центральная улица города.

После совещания на пароходе „Межень“ приблизительно около 8 час. вечера, Муравьев, со своей свитой об'ехал город. В белом френче, без фуражки, окруженный ад'ютантами в красных и синих черкесках, он ехал в открытом автомобиле, махая фуражкой. А в это время на тротуарах с 2-х сторон его приветствовали офицеры, бывшие царские чиновники, помещики, сынки буржуев, торгаши. Они бросали цветы, кричали „ура“...

Во время своего первого приезда в Симбирск, между прочим, Муравьев распорядился расформировать отряд матросов и посадить в тюрьму свыше ста человек. Отряд этот действительно был разложившимся. Симбирским большевикам его пришлось предварительно разоружить. Теперь Муравьев вспомнил об этом отряде и приказал освободить матросов из тюрьмы, заявив им, что „вас посадили по распоряжению Симбирского комитета большевиков, теперь власть принадлежит мне и вы свободны“.

Отряд стал на сторону Муравьева.

После об'езда города, считая себя полновластным хозяином его, Муравьев решил действовать по всем другим пунктам и участкам огромного по протяженности восточного фронта, намереваясь осуществить свой предательский план контрреволюционного восстания в общегосударственном масштабе. Для определения плана дальнейших действий, он, около 11 часов вечера, созывает в Троицкой го-

стинице совещание с левыми эсерами, на котором участвуют все его сторонники.

Посмотрим, что же делали в это время большевики и как они готовились к ликвидации муравьевского восстания, грозившего отдать молодую Советскую республику на поток и разграбление поднявшей голову контрреволюции.

VI. ПОДГОТОВКА ЛИКВИДАЦИИ ИЗМЕНЫ

В губисполкоме не оставалось никого. Один Варейкис ходил по своему кабинету, обдумывая создавшееся положение.

В первые часы он не представлял достаточно ясно, что предпринять. Вспомнив о Тухачевском, который, по его предположениям, должен был находиться со штабом I-й армии на станции Инза, он послал к нему большевика Вахатова с письмом. На Тухачевского он рассчитывал потому, что тот, после эсеровского восстания в Москве, пришел к нему и заявил, что большевики могут рассчитывать на его помощь, в случае, если левые эсеры попытаются выступить в Симбирске. Но оказывается, что Муравьев вызвал его в Симбирск, о чем Варейкису не было известно.

В этом письме к Тухачевскому Варейкис изложил положение в Симбирске и просил немедленной военной помощи. Председателя губисполкома Гимова немедленно направил нелегально из города на один из ближайших телеграфных пунктов, откуда можно дать сообщение в Москву. Таким образом, бы-

ли предприняты первые шаги развернувшейся в последующие часы борьбы против предателя. „На всякий случай,—как рассказывал позже Варейкис,— если ничего не удастся сделать, я осмотрел чердак, все выходы из губисполкома, который был окружен броневиками и муравьевской охраной, чтобы знать какими путями можно было бы уйти". Однако, осмотр дал мало утешительного. Четырехэтажное здание кадетского корпуса окружал высокий каменный забор.

Около 9 часов секретарю городского комитета Каучуковскому были даны указания спрятать партархив, бумаги, документы, партбилеты.[1] Варейкис, вспомнив, что в помещении совета, внизу, расположен отряд симбирских коммунистов и латышей, направился туда. В отряде он застал большое возбуждение, растерянность, колебание. Красногвардейцы прекрасно понимали, что если они не определят точно свою позицию, то Муравьев их расстреляет. Они исходили из того факта, что город уже захвачен и они, окруженные броневиками, находятся в ловушке. При появлении в казарме Варейкиса, они

---

[1] По этому поводу интересные подробности передает в книге „1918 г. на родине Ленина" Г. Д. Каучуковский. Он этот эпизод описывает так:

„Почувствовав что-то весьма серьезное и опасное, я побежал обратно в корпус, поднялся на третий этаж в комнату президиума губисполкома, в которой обычно с утра до поздней ночи, а часто и ночью, находился Ва-

окружили его, забрасывали вопросами. Он информировал их, что Муравьев изменил революции и что „прямой наш долг искать пути и средства ликвидировать измену". „Мы должны остаться верными революции и оказать самое решительное сопротивление". И здесь, на собрании отряда красногвардейцев, у Варейкиса созревает решение созвать заседание губисполкома, пригласить на него Муравьева и, устроив там засаду, захватить его, арестовать или убить. В это время в отряде появился ад'ютант Муравьева Чудошвилли. Ему, повидимому, донесли, что Варейкис совещается с красногвардейцами-коммунистами. Он заявил Варейкису, что тот не

рейкис. Вбежав в комнату, я увидел Варейкиса быстро шагающим по комнате из угла в угол.

Он громко разговаривал сам с собой:

— Какие подлецы... изменники... предатели!.. Открыли фронт!.. Почему мы упустили Гольмана, почему его не расстреляли?

Постояв и убедившись, что Варейкис не замечает моего прихода, я подошел к нему, остановил его и спросил:

— В чем дело, Иосиф?

— Да ты что, неужели не знаешь, что происходит? Муравьев изменил революции, предал, открыл фронт чехо-словакам и белогвардейцам и вместе с левыми эсерами затеял контрреволюционный переворот. Надо немедленно действовать... Не теряя ни одной минуты... Готовить сокрушительный отпор.

Поняв в чем дело и уяснив себе обстановку, я задал Варейкису только один вопрос:

— Что делать с партийными документами?

— Припрятать, — ответил он мне.

Все наши партийные дела и документы, списки, касса

имеет права вести здесь агитацию и что он подлежит аресту. Варейкис ответил, что не подчинится ему, так как имеет больше права здесь находиться, чем он. Чудошвилли в ответ на это дал приказ своим ординарцам арестовать его, но коммунисты и латыши тесным кольцом окружили Варейкиса и начали махать винтовками. Чудошвилли вынужден был быстро уйти. Варейкис предложил направить представителей из отряда в муравьевские части, установить с ними связь и попробовать разубедить их, раз'яснив истинный смысл событий и поведения Муравьева. Вскоре красногвардейцы этого отряда рассыпались по муравьевским частям. Варейкис решил выпустить воззвание к армии об измене Муравьева. Встретив Швера, редактора боль-

---

и пр. находились под замком в партийном комитете, ключи от которого были при мне.

Спустившись в партийный комитет, я быстро отобрал основные документы, главным образом списки членов нашей организации, свернул их, крепко перевязал веревкой и вышел из здания. На улице было много народу, стало больше пулеметов. У некоторых пулеметов были пропущены ленты и стояла прислуга.

Я незаметно выбрался с улицы, на которой находился б. кадетский корпус, и вышел к Дому свободы. Тут я внимательно осмотрелся и, никого не заметив, зарыл сверток бумаг возле 1-й гимназии, наложив на него груду лежавших здесь мелких камней. Затем еще раз внимательно осмотрелся и, убедившись, что я один, что меня никто не заметил, пошел по направлению к Панской улице, чтобы несколько иным путем, через гончаровскую улицу, добраться до б. кадетского корпуса".

шевистской газеты, он переходит к нему в кабинет редакции, расположенный в том же корпусе, и здесь пишет это воззвание.

В воззвании было всего каких-либо 20 слов, но оно ясно, по-боевому, говорило о том, что Муравьев изменник, предатель, враг революции, что с ним должна вестись самая беспощадная смертельная борьба.

Вскоре в совет начали приходить делегаты, по 2-3 человека от различных муравьевских отрядов. Варейкис разъяснил им сущность муравьевского мятежа и рекомендовал развернуть немедленно работу в частях, перетянуть части на сторону совета и прислать в губисполком несколько надежных товарищей. Здесь то и созрел и начал развертываться стройный, замечательный план ликвидации контрреволюционного мятежа, который через несколько часов кончился катастрофой для Муравьева.

Варейкис наметил следующий план, в целях конспирации скрытый даже от большинства фракции большевиков: созвать в 12 часов ночи заседание губисполкома, предварительно послав экстренное извещение всем членам губисполкома и приглашение Муравьеву. В соседних комнатах зала заседания разместить вооруженную засаду из коммунистов и красногвардейцев — представителей различных частей. Когда явится на заседание Муравьев, арестовать последнего, а если он окажет сопротивление, то убить его.

Самое важное, для организации такой во-

оружённой засады — отобрать действительно надежных и верных людей. Человек 20 для этой цели взяли из коммунистов латышского отряда; затем этот вооруженный отряд был пополнен представителями из муравьевских частей. Что было сделано намеренно, чтобы втянуть все части в борьбу против Муравьева и отрезать им отступление в случае неудачи. Во всех смежных комнатах с правой и с левой стороны было размещено человек 40 вооруженных красноармейцев с пулеметами. Назначила специальных лиц, которым поручено было смотреть, чтобы никто из участников не выходил из комнат до ареста Муравьева. Такая предосторожность имела целью предотвратить возможную измену и предательство. Заседание губисполкома решено было открыть не в зале обычных заседаний, а в кабинете Варейкиса. Расположение этой комнаты позволяло лучше и надежнее устроить засаду. В последний момент, когда уже все было готово к встрече Муравьева, весь план чуть было не провалился. Примерно около одиннадцати часов вечера, появился член губисполкома Спиридонов, левый эсер; как выяснилось впоследствии, он, не попав по каким-то причинам на совещание к Муравьеву, решил зайти в губисполком и, увидя, что здесь расположены вооруженные люди, а в соседней комнате расставлена засада, бросился сообщить об этом Муравьеву. Лишь простая слу-

чайность спасла от провала. Оказывается, Спиридонова на совещание к Муравьеву не пустили часовые и он, просидевши в коридоре гостиницы некоторое время, ушел, не сообщив ему.

К 12 часам ночи засада была полностью организована. В углу гимнастической залы бывшего кадетского корпуса, куда вел выход из комнаты, где предстояло заседание губисполкома, разместили несколько пулеметов, закрытых колпаками от пишущих машинок „Ундервуд". В ящике письменного стола лежало несколько круглых бомб, приготовленных „на всякий случай". Если не удастся арестовать Муравьева, если какое-либо обстоятельство помешает этому, Варейкис решил в критический момент бросить на заседании бомбу, чтобы ни при каких условиях не выпустить Муравьева из зала. В комнате, где должно было проходить заседание, дверь была стеклянная. Чтобы не было видно, что происходит в зале, она была завешана газетой и лишь маленький уголок оставался открытым, через который находящиеся в засаде могли наблюдать за тем, что делается в комнате и ожидать условный знак об аресте. Начальником этого отряда был назначен Райс—венгерец, примыкавший к большевикам.

Итак, большевики-красноармейцы рассажены в засаде. Даны все инструкции. Единственная опасность тревожит всех: вдруг Муравьев на заседание не явится...

VII. СМЕРТЬ ПРЕДАТЕЛЯ МУРАВЬЕВА

После часа ночи совещание у Муравьева с эсерами кончилось. На улицах попрежнему стояли броневики и красноармейцы дежурили у пулеметов. Окраины города уже спали, но центральная его часть жила интенсивной лихорадочной жизнью военного лагеря.

На соборной площади расположились матросские части. Из окон кадетского корпуса глядели замаскированные дула пулеметов. Их не было видно, но в любой момент по сигналу большевиков они могли заговорить жестоким языком свинца и стали.

Муравьев, ничего не предвидя, ничего не зная, полагал, что „все в порядке". Он разослал из Троицкой гостиницы телеграммы и радио-телеграммы — „всем, всем, всем", в том числе в Лондон, Париж, Нью-Йорк, Берлин, в Москву, Петроград и другие города. Он сообщал о том, что свергнул советское правительство, захватил власть, об'явил войну Германии, соединился с чехами и белогвардейцами. Он не предвидел, что военные части в своем большинстве уже не на его стороне, что бро-

невики и пулеметчики больше его приказаниям подчиняться не будут.

Таким образом, к концу совещания с эсерами Муравьев уже наполовину лишился той военной силы, на которую рассчитывал. Ничего не подозревая, он отправился в час ночи со своими ад'ютантами и левыми эсерами в губисполком на заседание.

Здесь нельзя не упомянуть о некоторых моментах, которые едва не сорвали славно задуманного плана ареста Муравьева. Эсеры видимо догадались, что большевики имеют какой то план, но какой именно—понять не могли. Максималист Михаил Гольман появился в губисполкоме первым; он пытался вести переговоры с Варейкисом, гарантировал, что ничего плохого ему не сделают. Варейкис с презрением прервал всякие переговоры с ним, заявив, что он „не имеет и не может иметь дела с людьми, находящимися в заговоре с Муравьевым—изменником советской власти".

Перед заседанием, когда уже все были в кабинете, вдруг появился левый эсер Иванов и предложил открыть заседание в зале, где они обычно происходят. Тогда Варейкис, как бы не расслышав его слов, об'явил, что заседание открыто и заметил:

— Хотя у нас сегодняшнее заседание по своему составу и неправомочно...

Здесь Муравьев перебил его и спросил:

— Почему неправомочно?

Варейкис ответил:

—Необходимо присутствие 47 членов губисполкома, а на лицо только 16; однако, ввиду того, что произошел мятеж бывшего главкома Муравьева, захватившего в Симбирске власть, и ввиду того, что единственной законной революционной властью является совет, об'являю заседание губисполкома открытым и предоставляю слово Муравьеву для личного об'яснения — на каком основании он ввел в город вооруженные войска, захватил государственные советские учреждения и покушается на власть.

Не ожидая подобного оборота событий, Муравьев сначала как бы растерялся, но затем овладел собой. Сидя в середине комнаты, против стола президиума, он поднял правую руку кверху и начал свою речь так:

— Прежде всего, вся власть советам, — одна рука поднята, другая на шпаге; всех обводит взглядом победителя, какое впечатление произведет это его заявление; левоэсеровские дурачки аплодируют. Большевики, которых на этом заседании было всего 5 человек, недоверчиво, иронически посматривают на него. Четыре его оруженосца, вооруженные маузерами и бомбами, опоясанные пулеметными лентами через плечо, исподлобья смотрят на большевиков. Муравьев начал развивать свою речь, смысл которой сводился к тому, что правительство Ленина продало Россию Германии, что оно разжигает гражданскую войну, „поссорило нас с нашими

братьями русскими, чехо-словаками, с союзниками" (Антанта). Он об'являет теперь гражданский мир, зовет весь русский народ против Германии и пойдет освобождать Украину. Он, решив спасать Россию, предлагает организовать Поволжскую республику, а затем образовать центральное правительство, предполагая, что в состав правительства войдут не только левые эсеры, но и „левые коммунисты", в том числе Бухарин, „который борется против Брестского мира и политики Ленина". В заключение Муравьев заявил, что не потерпит никакого сопротивления против той политики, которую он решил проводить.

После речи Муравьева слово взял Варейкис, который прямо заявил, что Муравьев не за революцию, а против революции, что его выступление есть бонапартистская попытка задушить революцию, неслыханное предательство, измена советской власти, и революции. „Нам, большевикам, с вами делать нечего. Нам с вами не по пути, мы не за вас, а против вас,"—закончил свою речь Варейкис. После него с речами против Муравьева выступили от большевиков еще двое. Это вызвало растерянность среди эсеров и недоумение у Муравьева. Он, очевидно, почувствовал, что таким языком могут говорить с ним, захватившим город, либо наивные фразеры, полагающие, что можно словами убедить врага, владеющего оружием, либо люди, имеющие за собой силу. Он начал нервничать, поглядывать на своих людей,

на дверь, из-за которой все яснее и громче доносились шум и шаги. Левые эсеры в своих выступлениях старались смягчить конец речи Муравьева, но по существу целиком к нему присоединились. В своих выступлениях большевики дали Муравьеву и левым эсерам достойный отпор, называя Муравьева авантюристом и жуликом. Муравьев начал волноваться, кусать губы, а левые эсеры испуганно поглядывали на дверь, чувствуя наступление бури.

Лишь только Муравьев вошел на заседание и за ним закрылась дверь, как подготовленный отряд немедленно вышел из соседних комнат и окружил полукругом, в несколько рядов, дверь в комнату, где происходило заседание. Медведь, один из активных большевиков отряда, наблюдал через стекло двери за заседанием. Было условлено, что как только Варейкис махнет рукой сверху вниз, отряд должен войти и арестовать Муравьева. В случае сопротивления Муравьева и его охраны — применить оружие, до пулеметов включительно.

Во время заседания не раз возникал шум за дверями. В один из таких моментов из комнаты заседания вышел левый эсер Иванов; с его появлением шум еще более усилился, раздались крики. Он вернулся в комнату на заседание бледный и заявил, с дрожью в голосе, что просят Варейкиса. Варейкис вышел. Оказалось, что отряд разоружил двух офицеров,

ЗДАНИЕ б. КАДЕТСКОГО КОРПУСА В СИМБИРСКЕ,
ГДЕ НАХОДИЛСЯ ГУБИСПОЛКОМ

ад'ютантов Муравьева. Они подошли к Варейкису с просьбой возвратить им оружие. Варейкис ответил им: „Мы скоро все разберем, а пока вы посидите". Ответственным товарищам из отряда он дал указание, о том, чтобы они следили за этими ад'ютантами и отнюдь никуда их не отпускали. В это время пришел еще один муравьевский офицер; он нес с телеграфа целую пачку копий телеграмм, посланных Муравьевым. В телеграммах давались приказы командирам частей восточного фронта под Самарой, Уфой, на Урале, всюду, куда распространялась власть командующего Муравьева,—о том, что „война прекращена, об'является мир, провозглашается братство и единство русских с чехами". Здесь же были копии телеграмм, разосланных правительствам Лондона, Парижа и т. д., в которых извещалось, что он, Муравьев, „заключил мир с чехами, с белыми, об'явил войну Германии, свергает правительство Ленина"... Этот ад'ютант Муравьева, которого тоже задержали, заявил, что он должен передать Муравьеву, по его поручению, копии телеграмм. Варейкис ответил: „Хорошо, ваши телеграммы будут переданы Муравьеву". Взяв у ад'ютанта телеграммы, он вернулся на заседание и начал их оглашать.. Сразу стала очевидной вся ложность „революционности" Муравьева и его „преданности" советской власти... Он оказался пойманным с поличным, припертым фактами к стене.

После выступления нескольких человек с

обеих сторон и заявления Варейкиса в заключительном выступлении о том, что—„мы не за вас, а против вас и будем бороться до конца“, — у левых эсеров наступило замешательство. Они потребовали перерыва. Требование перерыва было лишь мотивом к тому, чтобы сбежать с заседания.

Варейкис об'явил перерыв. Муравьев встал. Наступило молчание. Все взоры были направлены к Муравьеву. Он побледнел. Его правая щека передергивалась. Обращаясь к Варейкису, стоявшему за столом против него, он сказал:

— Я пойду, успокою части.

Муравьев повернулся, но вперед не пошел, а сделал поворот кругом и снова посмотрел — не собираются ли стрелять ему в спину. Видя, что все стоят спокойно, так же, как несколько секунд тому назад, он направился своим большим солдатским шагом к двери. Муравьев подходил к двери. Ему осталось сделать всего два шага, чтобы взяться за дверную ручку. В это время Варейкис махнул рукой... Медведь скрылся со своего наблюдательного пункта. Дверь перед Муравьевым растворилась и в нее вошли вооруженные люди. Муравьев оказался лицом к лицу с вооруженными коммунистами.

— Вы арестованы, — заявил ему начальник отряда Райс.

— Как, провокация? — крикнул Муравьев и моментально схватился за маузер, который висел у него с правой стороны. Кто-то схватил

его за руку. Тогда он выхватил из кармана браунинг и начал стрелять. На вооруженное сопротивление предателя отряд ответил залпом. Муравьев свалился на пол. Из головы текла кровь. Все это произошло мгновенно. Презренный изменник, пытавшийся затянуть петлю на шее социалистической революции, пытавшийся свергнуть советскую власть, — лежал в дверях исполкома холодным трупом

Горсточка храбрых большевиков, людей, преданных революции, решила любой ценой, без всяких колебаний, жертвуя своею жизнью, захватить предателя, арестовать, убить его и ликвидировать восстание против советской власти И она, эта горсточка, с честью выполнила свой долг.

Такая задача могла показаться невозможной и непосильной. На одной стороне Муравьев, как главком, сосредоточивавший в своих руках всю силу армии, броневики и окруживший себя кольцом приверженцев, а на другой — небольшая группа большевиков во главе со своим руководителем, решивших лучше умереть, но не дать врагу совершить свое подлое дело. Преимущество большевистской организации заключалось в том, что большинство красногвардейцев вскоре поняло, что попало в ловушку, что Муравьев их предал и думал их руками задушить революцию. Благодаря быстроте действий большевиков, перед самым заседанием губисполкома в муравьевских частях, как будто бы верных ему,

была проведена большая революционная работа; сторонники большевиков захватывали пулеметы, орудия, готовились к ожесточенной борьбе с изменниками, если бы они посмели и успели взяться за оружие.

Революция восторжествовала. Большевики расправились с изменником. На очереди стояла задача ликвидировать последствия измены.

VIII. ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ИЗМЕНЫ

Итак, Муравьев был убит. Неудачливый российский Бонапарт был ликвидирован. Когда готовились к аресту изменника Муравьева, многие руководящие большевистские работники прекрасно понимали, что живым он не сдастся и что если ограничиться только арестом предателя, то это даст повод сообщникам изменника вести агитацию за освобождение Муравьева и делать попытки к этому освобождению. Надо было итти на более радикальные меры...

Тотчас же после расстрела Муравьева встал вопрос о положении на фронте. Обнаружилось, что никакого командования фронтом нет. Иванов Л. С. был арестован, как участник муравьевского мятежа; Тухачевского нет в Симбирске. Лишь спустя несколько часов, когда поехали на вокзал, обнаружили, что Тухачевский находится там, в вагоне, арестованный Муравьевым. В этот критический момент временное руководство фронтом берет на себя Варейкис. Тотчас после убийства он вбегает в зал и призывает всех к революционному порядку.

— Как бы ни был для многих неожиданным и тяжелым момент, но мы обязаны владеть собой и довести начатое нами дело до конца,—заявил он.—Ввиду серьезности момента, мы должны действовать как можно быстрее. Командование войсками в Симбирске в настоящий момент беру на себя я, впредь до назначения правительством нового главнокомандующего. Итак, требую беспрекословного подчинения мне и еще раз призываю вас к революционному порядку. Часовые по местам!

Командование интернациональной частью возлагается на коммуниста Предита. Ему было поручено защищать совет в случае выступления сторонников Муравьева.

Вскоре после убийства Муравьева принесли уже напечатанное воззвание, написанное еще до заседания. Листовки разнесли по частям и раздали красноармейцам. В совет вскоре начали являться один за другим представители отрядов с запросами. Первыми их вопросами были: „Что произошло? Где Муравьев?“ Делегации возглавлялись командирами и рядовыми красноармейцами. Им об'яснили, раздавали воззвание. Много убеждать не приходилось; красноармейцы быстро уяснили все и переходили на сторону советской власти; лишь некоторые командиры-офицеры угрюмо отмалчивались. По всем адресам, по каким были направлены Муравьевым телеграммы, Варейкис послал теперь сообщения, что телеграммы Муравьева недействительны.

Он, как изменник, убит. Красноармейские части должны попрежнему сохранять боевые позиции, борясь с белогвардейцами и отстаивая революционные завоевания республики Советов.

Через несколько часов с вокзала приехал Тухачевский. Это было часов в пять утра. Варейкис с восторгом встретил и обнял его, заявив, что передает ему командование фронтом, так как не считает себя компетентным в военном деле. Тухачевский сначала растерялся,—как это он примет командование без приказа из центра, но Варейкис убедил его в том, что это надо сделать и обещал немедленно сообщить об этом Ленину, в РВС и военному Наркомату.

Тухачевский тотчас же начал наводить в городе и на фронте военный порядок.

Стало совершенно светло. Тихое июльское утро. Отблески лучей восходящего солнца заиграли в стеклах городских зданий. Начался новый день советской жизни в Симбирске, как будто здесь в эту историческую ночь ничего не происходило, как будто не было контрреволюционного восстания. Улицы очищены от муравьевских патрулей. Обыватели, офицеры, белогвардейцы, спекулянты, проститутки, помещичьи сынки—все они и не подозревали о случившемся за ночь, полагая, что город в руках Муравьева. Но на утро все они были горько разочарованы.

Утром в губисполкоме появились больше

вики, об'езжавшие части Муравьева. Они докладывали, что было сделано. Войска на нашей стороне. Дан приказ снять все пулеметы, отправить броневики на места — все принимает боевой большевистский вид. Закипела обычная революционная работа...

Так кончилась предательская авантюра неудавшегося российского Бонапарта, так кончилась авантюра, которая, не будь она пресечена на первом шагу, могла бы поставить Советскую Россию перед фактом беспрепятственного занятия чехо-словаками всего Поволжья, а быть может и удушения революции... Измена Муравьева довольно тяжело отразилась на фронте, дезорганизовала отдельные армейские части. Если красноармейцы остались верными революции, то часть комсостава оказалась в лагере предателей.

Муравьева не стало. Муравьевская левоэсеровская контрреволюционная авантюра ликвидирована. Намеченная им программа государственного переворота, организация новой власти, образование Поволжской республики — все это рассыпалось, как карточный домик. Но это было еще не все. Было очевидным, что еще есть сторонники Муравьева. Еще имели действие его приказы, которые разлагали фронт, дезорганизовали части. Надо упомянуть кстати о том, что, по недосмотру большевиков, текст телеграммы об этих событиях в Москву пошел в искаженном виде. Уже после того, как была подписана телеграмма, мак-

сималист Гольман, пользуясь тем, что он, как товарищ председателя губисполкома, не был арестован, приписал в конце телеграммы, что Муравьев „покончил жизнь самоубийством и левые эсеры работают сообща с большевиками". Этот возмутительный подлог явился попыткой заполучить себе политическую амнистию, избежать ареста, который все же вскоре в Симбирске был произведен. Через несколько часов после отправки этого текста телеграммы в Москву, Варейкис обнаружил искажение текста и дал новую телеграмму на имя Ленина, Свердлова и в военный комиссариат на имя Аралова, в которой указал, что сообщение о самоубийстве неверно. Утром сообщили с телеграфа, что по прямому проводу Москва—Кремль вызывают Варейкиса. Ему стали передавать известный всей стране декрет за подписью Ленина о том, что Муравьев объявляется вне закона.

В этом декрете, который на другой день был опубликован во всех центральных и местных газетах, говорилось:

ОБ ИЗМЕНЕ МУРАВЬЕВА.

Всем, всем, всем. Бывший главнокомандующий против чехо-словаков, левый эсер Муравьев, подкуплен англо-французскими империалистами. Муравьев сбежал из штаба Революционного Военного Совета в Симбирск и от-

дал по всем войскам приказ повернуть против немцев, которые, будто бы, взяли Оршу и наступают на нас. Приказ Муравьева имеет своей предательскою целью открыть Петроград и Москву и всю Советскую Россию для наступления чехо-словаков и белогвардейцев. Измена Муравьева своевременно открыта Революционным Военным Советом и все войска, действующие против чехо-словаков, верны советской власти. Сим об'является по всем войскам, по советам и всем гражданам Советской республики:

1. Нигде немцы на нас не наступают, на немецком фронте все спокойно.

2. Всякие призывы к наступлению на немецком фронте являются провокацией и должны караться расстрелом на месте.

3. Бывший главнокомандующий на чехословацком фронте, левый эсер Муравьев, об'является изменником и врагом народа. Всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте.

4. Все приказы по войскам, действующим против чехо-словаков, будут впредь до нового распоряжения подписываться Мехоношиным и Благонравовым.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Вл. Ульянов (Ленин) [1]

Приняв этот декрет, Варейкис передал Ленину и Свердлову через Аванесова, который был у аппарата, горячий привет от сим-

[1] „Известия ВЦИК" от 12 июля 1918 года.

бирских большевиков и всех трудящихся и сообщил, что с 10 на 11 июля ночью при попытке к сопротивлению во время ареста Муравьев убит. „Тем самым,—сказал Варейкис,—симбирские большевики считают, что приказ Ленина, СНК, ВЦИК ими с честью выполнен".

После убийства изменника, за подписью Варейкиса и Тухачевского было напечатано второе воззвание к населению, с целью как можно шире информировать все советские организации, все население о том, что предательское выступление Муравьева ликвидировано. В воззвании говорилось: „Контрреволюционные элементы, возглавляемые изменившим революции и предавшим ее англо-французским империалистам полковником Муравьевым, решили поднять гражданскую войну, направить рабочего на рабочего, крестьянина на крестьянина. Во главе этого восстания—изменник Муравьев. Прикрываясь лозунгом войны против Германии, а на деле решивший с чехами и другими белогвардейцами итти против власти советов, против трудового народа, он обрекает его на новые ужасные испытания и муку. Путем обмана, лживых и гнусных обещаний, он повел верившие ему революционные войска к Симбирскому совету, арестовал несколько человек коммунистов, занял телеграф, разослал провокационные телеграммы и т. п., но товарищи-красноармейцы заявили, что они за контрреволюционерами не пойдут, а будут защищать советскую власть. Возмущенные провокацией

Муравьева, решили арестовать изменника Муравьева, но тот, не желая сдаться живым в руки, начал отстреливаться, ранил несколько наших товарищей, но ответным выстрелом был убит. Все стойте также бодро на своих местах, идите на революционный фронт против чехо-словацких банд, будьте спокойны, будьте также революционны, тогда нам не страшна никакая измена и никакая контрреволюция.

Да здравствует революционный народ!

Долой с пути всех изменников!

Варейкис

12. 7. 1918 г."

Итак, измена Муравьева была ликвидирована в Симбирске быстро и решительно, в течение нескольких часов и почти без жертв.

В своей телеграмме в Москву на имя Ленина Варейкис писал:

„Сообщаю, что Муравьев убит во время ареста, ввиду оказанного им сопротивления: он первый выстрелил и ранил трех, после чего он был убит; левые эсеры с начала заседания исполкома определенно, целиком, всей фракцией поддерживали Муравьева и предлагали об'явить, соединившись с Самарой, Поволжскую республику. Но, получив решительный отпор фракции коммунистов, по пред'явлении телеграмм, разосланных Муравьевым об отводе войск с позиций в Симбирск, Казань и Вятку смутились, потребовали перерыв для фракционного совещания. Муравьев, видимо не ожидавший такой решительной оппозиции, заявил,

что для него вопрос почти ясен и он пойдет успокоить части солдат. В дверях, при выходе из комнаты заседания, ему заявили, что он арестован; остальное известно. После этого фракция левых эсеров растерялась и заявила, что идет с нами и будет исполнять свои обязанности. Имея ввиду, что командование и военный комиссариат в Симбирске сосредоточен был преимущественно у них, мы решили временно оставить их на месте, чтобы резкая перемена не отразилась на фронте пагубно. А в настоящий момент с ответственных мест их будем постепенно устранять. Положение в отрядах благоприятное. Сызрань была взята белогвардейцами ввиду халатного отношения Муравьева. В Ставрополе положение благоприятное. Бугульма в наших руках, враг потерпел большой урон. Сызрань взята вчера утром, расположение наших войск неизвестно."[1]

Таким образом, дела на фронте хотя несколько и пошатнулись, но до катастрофы дело не дошло.

Белые, получив известие о выступлении Муравьева, ликовали. Учредилка уже мечтала о занятии Москвы, а чехи, пользуясь некоторым замешательством, начали по всему фронту наступление. Результаты измены Муравьева оказались крайне серьезными.

Фронт, как никогда, требовал новых, све-

---

1 Центральн. арх. Красной Армии, д. № 119-851, л. 9.

жих сил, требовал централизованного умелого руководства, а муравьевский заговор внес замешательство в ряды руководителей армии, заминку в выполнении намеченных мероприятий.

Фронту тотчас же были даны свежие подкрепления оружием и людьми. Но это было далеко еще не все и поражения последовали одно за другим.

В это время в Симбирске приказом военсовета фронта создается штаб обороны, к которому переходит все руководство укреплением города на случай наступления белых.

Чрезвычайным комендантом города назначается И. М. Варейкис, который принимает самые энергичные меры, чтобы создать перелом на фронте и отстоять Симбирск.

Фронт, откуда ожидали наступления врага, в это время находился уже под Сенгилеем; здесь противник несколько раз пытался высаживать с парохода свои войска и бомбардировать берега, но крупных успехов не имел.

Под Мелекесом тоже, несмотря на все попытки, чешские части продвигались очень медленно. Штаб обороны начал принимать меры к укреплению Симбирска. В первую очередь, со стороны Волги были построены окопы, воздвигнуты проволочные заграждения, выбраны пункты для установки батарей и т. д.

В 20 числах июля началось повсеместное отступление наших частей, в которые измена Муравьева внесла замешательство, колебания и недоверие к командному составу.

Красноармейские части отступали по всему фронту, по Волге к Казани. Наконец, белые захватили Симбирск. Симбирские советские и партийные организации и вновь сформированные отряды отступили в Алатырь.

В распоряжении командования симбирской группой войск, после этого отступления, осталось немного сил; серьезного сопротивления они оказать уже не могли. Алатырь с этого момента стал важнейшим пунктом пополнения и формирования новых стойких боевых частей I-ой армии.

Здесь командование симбирской группой войск и I-ой армии в лице Тухачевского, приступает к новым формированиям для Поволжского фронта. Перед нами интересный документ этого периода — разговор по прямому проводу Варейкиса с Тухачевским, где в полной мере обрисовалось состояние нашего фронта и его нужды, а также подготовка нового наступления Красной Армии, окончившегося блестящей победой и полным разгромом врагов в Поволжье.

Приведем его здесь целиком:

„У аппарата Варейкис: Тов. Тухачевский, вчера нами были получены сведения агентурной разведки о движении от Буинска неприятеля по направлению Ибреси-Алатырь. Нам нет возможности, при отсутствии совершенно сил, не только оказать сопротивление и охранять железную дорогу, но даже выставить сторожевые заслоны. Нет людей. Поэтому мы

просим вас оставить у нас финнов, которые в настоящий момент успешно борются с появляющимися кулацкими организациями Симбирской губернии. А также просим, если вы находите, чтобы наш штаб производил какие-либо операции, выслать хотя бы пятьсот человек пехоты. Артиллерия у нас найдется; легкой нет. А также просим дать распоряжение местному авиационному отряду делать, под руководством штаба, разведку на аэропланах по направлению Симбирск-Буинск.

Тухачевский: Что касается финнов, то они мне необходимы, но отсрочку можно дать. Вчера вечером от Вацетиса (подошли) значительные силы для Алатыря, об'ясняя его громадное значение в настоящее время. Насчет аэропланов уже отданы соответствующие распоряжения. Продолжайте разведку на Буинск и Симбирск, тайную и конную. Сейчас у меня нет резерва совершенно, но, как только будет, обязательно поделюсь с вами. Пока досвидания. Очень занят. Тов. Куйбышев просит вам передать привет, всего лучшего.

Варейкис: От нас Куйбышеву тоже привет, но скажите ему, чтобы он лучше прислал сил, ибо это важно в интересах нашей общей борьбы на чехо-словацком фронте.

Тухачевский: Надавлю, как могу. Прекрасно понимаю значение Алатыря для I-ой армии".[1]

---

1 Ульяновский архив., Фонд Симбирск. губисполкома, д. № 6, л. 115.

Как видим из этого документа, сил для сопротивления врагу было мало.

Уже через десять дней белогвардейцы и их верные слуги, чехо словацкие войска, торжествовали по поводу новой победы:—ими была взята Казань.

Враги уже готовили поход на Москву. Но для нас это было последнее испытание, последнее поражение. Партия Ленина-Сталина бросила великий клич к рабочему классу, ко всем трудящимся о том, что республика Советов в опасности. Многие тысячи пролетариев откликнулись на этот призыв, вступив в ряды Красной Армии.

Под руководством партии большевиков все новые и новые полки и дивизии пошли в бой против поволжской контрреволюционной армии, и стратегия Ленина-Сталина победила. Чехо-учредиловский фронт к зиме 1918 года был ликвидирован.

ДОКУМЕНТЫ
И
МАТЕРИАЛЫ

УБИЙСТВО МУРАВЬЕВА [1]

Об убийстве Муравьева ходит много разных вымышленных небылиц, которые, попадая в печать, искажают происшедший факт убийства.

Первоначально было сообщено, даже в „Известиях ВЦИК", что Муравьев ...„покончил самоубийством".

На мою долю в эту ночь, при ином исходе быть может последнюю для нас, многих большевиков, выпала ответственная и благодарная задача подготовить и руководить арестом Муравьева и агитацией в частях, увлеченных им, и поэтому я постараюсь осветить полностью всю эту историю авантюры Муравьева в истинном свете.

10 июля, в 7 часов вечера, на пароходе „Межень" приехал в Симбирск Муравьев со своей офицерской „свитой". С ним прибыло около 1000 красноармейцев, им специально отобранных. В это время нам в Симбирском совете еще никому, кроме левых эсеров, не было из-

[1] Статья И. М. Варейкиса, напечатанная в Симбирских „Известиях" 12 июля 1919 года.

вестно, с какими целями приехал Муравьев. Предупреждений по телеграфу из Казани,—откуда он выехал,—мы не получали и таким образом были в полнейшем неведении об его действительных намерениях, полагая, что он прибыл для личного руководства наступлением на Самару и в уфимском направлении. Приехав на пристань, Муравьев потребовал, чтобы к нему на пароход немедленно приехали президиум Симбирского совета, начальник связи С. Измайлов и председатель чрезвычайной следственной комиссии Бельский (Левин). Ничего не подозревая, я и председатель совдепа Гимов пошли в штаб симбирской группы войск, чтобы оттуда, вместе с остальными лицами, которых Муравьев требовал на пароход, выехать.

В штабе пришлось несколько задержаться, пока нам подавали автомобиль. В это время на Гончаровской улице произошел взрыв бомбы; мы бросились туда. Оказывается, шло несколько пьяных, еле стоявших на ногах матросов и один из них около памятника бросил бомбу; мы пытались их задержать, но они сели на извозчика и уехали. Мы снова направились к под'езду кадетского корпуса, где помещается совет, с расчетом дождаться автомобиля.

В это время прибегает один молодой человек, коммунист, который работал агентом в чрезвычайной следственной комиссии; он рассказал, что почту заняли какие-то воору-

женные люди в матросской форме и расставляют на Гончаровской улице пулеметы; собралось человек десять вооруженных латышских стрелков, требовавших, чтобы совет немедленно потребовал убрать пулеметы с Гончаровской улицы. Мы им заявили, что это сейчас же выяснится. В это время на углу показался отряд, возглавляемый ад'ютантом Муравьева, в красной черкеске и папахе. Отряд был человек в триста пятьдесят. Сзади везли просто по мостовой несколько пулеметов „максима". Человек в красном оказался ад'ютантом Муравьева, фамилия которого (как я узнал впоследствии) Чудошвилли. Он подошел к нам и заявил: „Кто здесь большевики и кто эсеры отходите в разные стороны?!" Кто то заявил, что здесь не большевики и не эсеры, а просто „частная публика". Тогда он спросил, где председатель совета. Я заявил, что он может говорить со мной то, о чем ему необходимо.

— Так я об'являю вам, что вы временно арестованы.

— Требую мотивы ареста.

— Когда приедет главнокомандующий, тогда выяснятся мотивы,—ответил он.

Я потребовал ордер на мой арест.

— Дело видите ли в том,—заявил он,—что главнокомандующий Муравьев об'явил войну Германии и мы все будем воевать с немцами, а с чехами и белыми офицерами мы заключили мир, так как они наши братья (!) и тоже

хотят воевать с Германией. Гражданскую войну больше вести бессмысленно, а впрочем мы разберем. Вы войдите пока в здание,—закончил он свою, как видите, весьма прозрачную речь. В это время к совету, пыхтя, под'ехал броневик, а за ним другой и третий. Я быстро постарался скрыться в здании Совета, покуда он говорил „о блаженном мире с чехами" окружившим его красноармейцам и вообще посторонним, толпа которых собралась.

Первое время я не знал, что предпринять, но позже вспомнил, что в нижнем этаже здания совета помещалась латышская рота. Я направился к красногвардейцам латышам. Лишь только я появился, товарищи латыши меня окружили и, горячась, стали спрашивать, что случилось. Я им пояснил, что Муравьев изменил и перешел на сторону белогвардейцев. Его ад'ютант открыто заявил, что „главнокомандующий заключил мир с чехо-белогвардейцами". Я их предупредил, чтобы они никаких активных шагов не принимали до наших директив, чтобы не выдать себя.

Оттуда я направился в комнату президиума, но там никого не было, подошел к телефону; центральная ответила, что сделано распоряжение, чтобы никого не соединяли.

Мне понятно еще ясней стало, что контрреволюционный переворот Муравьева стал фактом. Я опять пошел вниз в латышскую часть. Когда я туда вошел, то там шли горячие споры между латышами и ад'ютантом Му-

равьева. Меня увидали товарищи латыши. Они на время стихли и обернулись ко мне. Один из московского отряда Медведь, который впоследствии оказал нам колоссальную услугу при аресте, подбежал и начал говорить, что это значит, что Муравьев арестовывает большевиков и правда ли, что он предпринял контрреволюционное восстание? Я ему ответил, что — это правда. Латыши подошли к ад'ютанту Муравьева с кулаками; размахивая, стали требовать об'яснения и освобождения арестованных на Гончаровской улице.

„Как, кто агитирует, кто говорит?" Якобы ничего не зная, восклицает он. Ему указали на меня. „Я вас арестовываю, ибо вы лжете и агитируете; вам нельзя быть в частях!" Я заявил, что у меня больше, конечно, прав, чем у него находиться в красногвардейской части. Латыши меня окружили; он, не ожидавший такого отпора, постарался скорее уйти. Ко мне подошел товарищ из московского отряда и просил разрешить ему убить Муравьева бомбой в автомобиле. Этого я посоветовал ни в коем случае не делать, ибо может истолковаться совершенно в обратную сторону, и все вооруженные силы, а также и броневики, окружающие совет, сметут с лица земли всех нас. Самая выгодная позиция для нас теперь — себя не выдавать и немедленно все должны направиться в разные части для агитации, а также попросил, если меня арестуют, то чтобы они немедленно вынесли протест с таким расчетом,

чтобы повлиять на другие отряды, идущие за Муравьевым.

Принимая во внимание, что фракция наша может оказаться вся арестованной, я послал одного товарища из московского отряда, чтобы председатель совдепа т. Гимов скрылся из города и принял какие-либо активные шаги с внешней стороны.

Часа полтора, между 9 и 11 часами, чего-либо активного принять не пришлось, а лишь всех красноармейцев коммунистического отряда распустили по частям для агитации.

В 12 часов ночи пришло несколько членов исполкома. Было решено созвать экстренное заседание губисполкома.

Немедленно были разосланы повестки членам исполнительного комитета, чтобы они собрались как можно скорей на заседание. Вскоре явились члены исполкома Каучуковский, Фрейман, Швер и Иванов от нашей фракции. Фракция левых эсеров целиком отправилась в Троицкую гостиницу на совещание с Муравьевым.

Встретив Швера, редактора „Известий", я пошел к нему в редакцию, чтобы там с некоторыми большевиками обсудить как нам в данных условиях поступить, что предпринять. Ясно было, что мы стоим перед фактом левоэсеровской, белогвардейской измены.

Я попросил пригласить двух наборщиков-коммунистов. Тов. Швер быстро их нашел. Мы им поручили приготовить шрифт и бумагу

для воззвания; они пошли приготовлять все это для напечатания. Я сел писать воззвание. В это время коммунистами-красноармейцами велась усиленная агитация.

В двери комнаты редакции постучал Медведь, который заявил, что от курского бронированного отряда пришла делегация и хочет с нами поговорить. Я их попросил войти. Делегация состояла из политического комиссара этого отряда тов. Иванова и одного шофера (фамилию не помню). Он заявил, что им кажется, что Муравьев затевает что-то неладное против совета.

Мы пояснили, что Муравьев перешел на сторону чехо-словаков. „В таком случае,—заявила делегация,—ни один броневик не выпустит ни одного снаряда по совету" (а броневиков было 6 штук). Я их, от имени фракции и нашей партии, благодарил и, вместе с тем, просил, чтобы они вошли в соглашение с другими отрядами и пулеметной ротой, которая окружила совет, Гончаровскую улицу и ряд учреждений, которые Муравьев захватил в первую очередь—почту, банки. Долго ждать не пришлось. Не успел я дописать воззвание, уличающее в контрреволюционности Муравьева, как заявилась делегация и от пулеметной команды, которая тоже заявила, что будет с нами. Мы повеселели. Перед нами уже были силы, которые постоят за себя. Мы решили немедленно же, как только придет Муравьев на заседание исполкома, арестовать его. А в это

время фракция левых эсеров совещалась. Нам доносили, что она присоединяется к предложению Муравьева—образовать Поволжскую республику во главе с Муравьевым. Мы приступили к организации и подготовке ареста Муравьева. Мне предложили руководить всей операцией ареста.

Прежде всего, встал вопрос, как организовать надежную вооруженную силу человек в пятьдесят, которые могли бы в крайнем случае пожертвовать собой. Ясно, что кроме латышей, другой вооруженной силы не найти. Я предложил привлечь человек тридцать товарищей латышей, но, вместе с тем, заявил, что необходимо взять и из других отрядов, чтобы, в случае неудачи, потерпевшими оказались не одни латыши, а и другие и тем самым вовлечь их в борьбу, отрезать отступление, переход на сторону Муравьева. Решили выделить по десять человек из бронированного отряда и из московского рабочего, хотя последний настолько оказался революционным, что не было ни одного красноармейца, который бы не принял участия или в агитации, или в охране совета. Всего набралось приблизительно 120 человек, которые были рассажены в засаде в двух соседних комнатах, в комнатах 5 и 3, а в комнате 4 должен был заседать исполком. Все расселись, потушили электричество. Я приказал немедленно коменданту т. Спирину открыть кладовую и передать московскому отряду пулеметы, которые

расставить в комнатах, где находится засада, а также и в зале, через которую приходится выходить в комнату заседания исполкома. Решили, если Муравьев явится на заседание хотя бы с 50 человеками, не дать возможности выйти из комнаты живыми ему и его банде, хотя бы пришлось открыть пулеметную стрельбу.

Иванов, левый эсер, повидимому, узнал про засаду; он предложил мне, когда я открывал заседание, перейти в другую комнату. Видя эту опасность, я об'явил собрание открытым, как бы не расслышав его предложение. Мы открыли заседание в необходимой для нас комнате, окруженной нашей большевистской засадой.

Сделав некоторое вступление, я слово предоставляю Муравьеву. Я не буду писать о том, что творилось на этом заседании, хотя эти речи свидетельствуют больше всего о революционности коммунистов, а скажу только, что левые эсеры, скрываясь за пустыми трескучими декларациями, звали нас итти с ними, с Муравьевым. Сам Муравьев сначала еще говорил что-то о советской власти, а под конец стал злиться, угрожать.

Наша фракция дала Муравьеву и фракции эсеров достойный отпор, называя его авантюристом, бонапартистом и контрреволюционером. Увидя такой отпор, Муравьев нервничал, кусал губы, хватался за маузер. В заключительной своей речи в резкой форме я заявил

Муравьеву, что будем с ним бороться, что „мы не за вас, а против вас!“

Фракция левых эсеров, встретив такое сопротивление от нашей фракции, растерялась и попросила об'явить перерыв.

Перерыв фракция эсеров потребовала еще и потому, что она уже догадывалась, что большевики что-то предпринимают, подготовляют вооруженное сопротивление.

Я остановлюсь несколько и постараюсь описать кратко психологическое состояние, какое наблюдалось во время заседания губисполкома и что происходило за дверью в отряде, которому было поручено арестовать Муравьева.

Лишь только Муравьев вошел в комнату и закрылась дверь, как отряд немедленно вышел из засады из двух комнат и окружил комнату за дверью, а тов. Медведь наблюдал в стекло двери, которая до половины была закрыта газетой, чтобы из комнаты заседания не видно было, что происходит в зале.

На дверь были направлены пулеметы, полукругом расположились вооруженные, человек 100 или 120.

Во время заседания в зале произошел шум. Меня стали вызывать из отряда. Открывают дверь и махают рукой. Мне несколько раз приходилось покидать свое место председателя и итти успокаивать. Муравьев начал смутно догадываться. В один из таких моментов, более шумных, вышел левый эсер Иванов, командующий симбирской группой войск. С его

появлением еще больше поднялся шум; как выяснилось позже, секретарь городского комитета большевиков тов. Каучуковский на него набросился и приказал арестовать. Он вбежал в зал бледный и попросил, чтобы я вышел и успокоил. Когда я вышел, то оказалось, что был уже разоружен один ад'ютант Муравьева.

Он обратился ко мне с просьбой возвратить ему оружие. Я ответил, что „мы сейчас разберем, вы пока посидите", а ответственным товарищам из отряда поручил, чтобы они зорко смотрели за ним.

Был еще ряд таких моментов, которые хотя и происходили за дверью, но были понятны как для левых эсеров, так и для Муравьева и для трех сопровождающих оруженосцев, которые тоже растерянно посматривали по направлению к двери. Муравьев к концу страшно побледнел и улыбка „Наполеона". больше не озаряла его лицо. Иссякла удаль „Гарибальди", как он себя в тот вечер рекомендовал его красноармейцам. Я об'явил перерыв. Муравьев встал. Молчание.

Все взоры направлены на Муравьева. Я на него смотрю в упор. Муравьев на меня тоже. Чувствуется, что он или прочитал что-то неладное для себя, или ему совестно стало своей трусости, что его заставило сказать: „Я пойду успокою отряды". Повернулся и направился солдатским шагом со свитой к двери.

В это время в зале все приготовились и приготовили для ареста. Медведь наблюдает в

стекло двери и ждет условного знака, который я ему должен подать в нужный момент.

Муравьев подходил к двери. Ему осталось сделать шаг, чтобы взяться за ручку двери. Я махнул рукой, Медведь скрылся. Через несколько секунд дверь перед Муравьевым растворилась, из зала блестят штыки...

Муравьев оказался поставленным лицом к лицу с вооруженными красноармейцами-коммунистами, злобно сверкавшими глазами.

— Вы арестованы!

— Как? Провокация!—крикнул Муравьев и схватился за маузер, который висел у него за поясом. Медведь схватил его за руку: он выхватил из кармана браунинг и стал стрелять.

Увидев вооруженное сопротивление, отряд открыл стрельбу из винтовок и наганов. В дверях исполкома Муравьев свалился убитым. Ручьем из головы потекла кровь.

Все это произошло в мгновение. Изменник, пытавшийся затянуть петлю на шее русской революции, задушить советскую власть, лежал теперь в дверях исполкома в ногах советской власти почерневшим холодным трупом.

Так кончилась предательская авантюра неудавшегося Бонапарта, авантюриста, которая, при ином исходе, могла бы поставить Советскую Россию в очень тяжелое положение и открыть врагам ворота всего Поволжья.

Кратковременное господство Муравьева все же отразилось довольно тяжело на фронте.

Всех, кто был в зале, на один момент охватило какое-то оцепенение, когда оказалось, что Муравьев убит. Многие нагнулись над трупом. Многие не ожидали того, что произошло, хотя нам ясно было, что Муравьев живым не сдастся, да и вообще ограничиться арестом, значит дать возможность сообщникам вести агитацию, поднять несознательные части, предпринять попытки к освобождению.

Вбегаю в зал и призываю всех к революционному порядку.

— Как бы ни были неожиданны и быть может для многих тяжелы моменты, мы обязаны владеть собой и доконца довести начатое нами!— крикнул я на весь зал и все встрепенулись и обернулись ко мне. — Сейчас, ввиду серьезности момента, мы должны как можно быстрей действовать. Командование в Симбирске в настоящий момент беру на себя я и еще раз призываю к порядку! Часовые, по местам!

Все соглашаются.

Красноармейцы занимают все выходы в советском здании, лихорадочно расставляют пулеметы. Интернационалисту Райсу поручаю разоружить те части, которые за Муравьева. Начальнику 2-й латышской роты Предиту—защищать здание Совета в случае нападения. Превосходно справился с своими задачами, показав большевистское мужество, т. Каучуковский. Тов. Швер, член Симбирского комитета партии большевиков, редактор „Известий", в эту ночь действительно доказал свою сме-

лость и преданность делу революции. До этого я его очень мало знал.

Наша большевистская фракция, незначительная—всего восемь человек—в эту ночь оказалась на высоте своего положения.

После убийства я встал на площадке лестницы второго этажа. Принесли воззвания, которые были отданы до заседания в типографию. Через очень короткий промежуток времени после убийства появилась одна за другой делегации из отрядов с вопросом: „Где Муравьев?“ Делегации были с начальниками и без начальников. Я им об'яснял, что произошло и раздавал воззвания. Они сравнительно быстро присоединились.

К матросам, которых Муравьев выпустил из симбирской тюрьмы и взял для своей личной охраны, от президиума я написал записку, в которой предложил немедленно сдать оружие и присоединиться к советской власти.

Через несколько часов освободили т. Тухачевского, которому я передал командование восточным фронтом в Симбирске.

Стало совершенно светло, тихо; появились об'езжавшие отряды члены нашей фракции и сказали—все тихо, все сделано, все готово.

Отблески лучей восходящего солнца заиграли на стеклах советского здания.

Дан приказ снять все пулеметы, броневики; все принимает прежний вид.

Закипела обычная революционная работа.

Иосиф Варейкис.

ТОВАРИЩИ КРАСНОАРМЕЙЦЫ I-й РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ!

Тяжелый момент приходится переживать нашей Советской Социалистической Республике. Враги рабоче-крестьянского правительства делают последнюю отчаянную попытку свергнуть советскую власть, возвратить себе земли, богатства и власть. Об'единившись с капиталистами и помещиками наших бывших союзников, которые снабжают русских контрреволюционеров капиталами и содержат на свои средства чехо-словаков, этих наемников контрреволюции, враги рабочих и крестьян подняли мятеж провокационными способами среди чехо словаков и опираются на них для свержения рабоче-крестьянского правительства. И на этот раз контрреволюционеры избрали оружие более сильное, чем просто активное выступление с оружием в руках против Советских войск. На этот раз цель их отчаянной попытки захватить железнодорожную линию, соединяющую Сибирь и другие хлебные губернии нашей республики с севером, Москвой и Петроградом—центром и очагом нашей рабоче крестьянской революции.

Частично цель контрреволюции осуществлена, им удалось занять часть Сибирской дороги и левого берега Волги. Движение этих контрреволюционных банд продолжается и далее. Временно мы можем предотвратить наступление голода, пользуясь теми хлебными запасами, которые имеются в Приволжском рай-

оне, но если в самом непродолжительном времени чехо-словацкая авантюра не будет ликвидирована, если мятеж не будет подавлен, рабоче-крестьянское правительство, вследствие приостановления продовольственных грузов в Сибири, будет задушено голодом. И так, теперешняя цель контрреволюционеров и их прислужников чехо-словаков, взять измором, удушить голодом революцию, после того как ими занят путь в хлебные губернии нашей республики, а отсюда ясно, что теперь наша цель, цель социалистической армии пролетариата, не только оказывать сопротивление и вести оборонительную войну—этим мы не спасем нашу Советскую республику от голодной смерти: наша цель теперь возможно скорей отнять у чехо-словаков и контрреволюционеров сообщение с Сибирью и другими хлебными областями, а для этого необходимо возможно скорее, теперь же, продвигаться вперед—необходимо наступать. Всякое промедление смерти подобно.

Но, товарищи, предпринимая наступление, необходимо учесть то обстоятельство, что теперь враг сильнее, чем те малоорганизованные и слабо вооруженные белогвардейские банды, с которыми мы имели дело раньше.

Наши теперешние враги, наемники контрреволюционеров, чехо-словаки представляют хорошо дисциплинированные, вооруженные и испытанные в боях части.

Поэтому до тех пор, пока мы слабо соорга-

низованы, мало дисциплинированы, мы не в силах не только подавить и ликвидировать мятеж и контрреволюционное движение, но даже оказать самое необходимое сопротивление. Монархической дисциплине контрреволюционеров и чехо-словаков мы должны противопоставить железную революционную самодисциплину.

Самое строгое и неукоснительное исполнение всех приказаний начальника в боевой обстановке, без обсуждения того, нужен ли он или не нужен, является первым и необходимым условием нашей победы.

Не бойтесь, товарищи! При посредстве политических комиссаров и других представителей пролетариата при штабах командующих, рабоче-крестьянская власть следит за всеми шагами ваших начальников и первый же их необдуманный приказ повлечет за собой суровое наказание.

Хотя на первый взгляд наша дисциплина быть может будет казаться царской дисциплиной, но с внутренней стороны это будет самодисциплина, ибо органом, контролирующим деятельность командного состава, являются ваши представители, представители рабочих и крестьян.

Для поднятия нашей боеспособности и дисциплины в нашей Социалистической Красной Армии рабоче-крестьянское правительство предприняло ряд мер, чтобы особо отметить из

среды борцов за рабоче-крестьянскую революцию тех, которые личным примером и доблестью доказали свою готовность в каждую минуту положить свою жизнь за успехи пролетарской революции. Рабоче-крестьянское правительство нашло возможным для этих доблестных защитников и борцов за великое дело освобождения трудового народа ввести особые знаки отличия, формы которых на-днях будут опубликованы, и, кроме того, для семейств тех товарищей, которые геройски падут на своем революционном посту, а равно и для тех, которые потеряют трудоспособность, вводится особое материальное обеспечение.

Принимая меры к тому, чтобы выделить истинных борцов за революцию, чтобы поднять дисциплину, создать организованность армии, рабоче-крестьянское правительство принимает меры к тому, чтобы выбросить из среды борцов за лучшие идеалы человечества тот элемент, который, прикрываясь маской революционера, своим поведением и даже присутствием позорит ту среду, в которой он находится. Для этого учреждаются революционные военные полевые суды, которые по всей строгости законов военного времени будут судить предателей рабоче-крестьянской революции, ибо малодушным и паразитам нет места в добровольческой рабоче-крестьянской Красной Армии.

Итак, вперед, обновленная дисциплиной и уверенностью в победе пролетарская армия!

Вперед, для завоевания великого будущего трудовому народу, вперед для завоевания свободы, воли и хлеба трудящимся массам. Долой малодушных изменников революции!

Да здравствует революционная дисциплина!

Да здравствует боеспособная дисциплинированная Рабоче-Крестьянская Армия!

Да здравствует власть рабочего класса и крестьянской бедноты.

Командующий I-ой революционной армией

Тухачевский.

ОТ ИМЕНИ СИМБИРСКОГО ГУБЕРНСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТА КРЕСТЬЯНСКИХ, РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ КО ВСЕМ КРЕСТЬЯНАМ И РАБОЧИМ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Товарищи крестьяне и рабочие!

Грозные тучи нависли над нами...

Банкиры, фабриканты и помещики, городские и деревенские спекулянты-кулаки об'явили поход против русской революции; с оружием в руках они наступают на городскую и деревенскую бедноту, стремятся отнять обратно у крестьян землю, у рабочих—завоеванный в революцию 8-часовой рабочий день, рабочий контроль и прочее.

Тозарищи, надвигается опасность. Враги советской власти рабочих и крестьян об'единились с французскими и английскими капиталистами и помещиками, которые снабжают

русских контрреволюционеров капиталами, содержат чехо-словаков, на которых в настоящее время опираются русские богатеи, капиталисты им помогают отвоевывать захваченные земли, помогают банкирам, фабрикантам эксплоатировать рабочих, помогают кулакам-спекулянтам обирать до ниточки голодающую деревенскую и городскую бедноту.

Товарищи!.. Против власти крестьянина и рабочего ополчились враги, заносят топор над шеей; чтобы ввести темные массы в заблуждение, они говорят о том, что борются за свободу, за власть народа.

Товарищи! Они нас обманывают.

Товарищи! Их свобода, это свобода помещикам драть с крестьянина семь шкур, это свобода заводчику-фабриканту заставлять рабочих ковать им казну столько часов в день, сколько им хочется.

Товарищи! Посмотрите на Украину, где Скоропадский, бывший генерал, управляет страной, помещики отняли землю и требуют с крестьян возвратить все убытки, какие им причинила революция. На Украине власть капиталистов и там снова помещики имеют тысячи десятин, а крестьяне должны к помещикам наниматься в батраки.

Товарищи! В Самаре буржуазией и помещиками захвачена власть, они тысячами расстреливают ваших братьев—рабочих и крестьян, над трупами убитых они издеваются. Палачам революции, солдатам чехо-словацких банд—до-

чери помещиков и капиталистов бросают цветы, несут подарки за то, что чехо-словаки отвоевывают им прежние права.

Товарищи рабочие, крестьяне и солдаты! Грозная опасность надвигается на революцию. Самарская губерния, смежная с Симбирской; контрреволюционные банды могут продвинуться и в Симбирскую губернию. Помещики и фабриканты Симбирской губернии тоже захотят отобрать землю, заковать в цепи рабочих и всю городскую бедноту; они уже в некоторых местах двигаются, они уже напали на сызранских крестьян и рабочих.

Товарищи! Нам грозит опасность, необходимо встать всем на защиту земли, на защиту революции.

Товарищи, нас много, а помещиков и капиталистов кучка; стоит только на несколько дней нам всем взяться за оружие, и мы разобьем врага.

С оружием в руках каждый крестьянин Симбирской губернии, которому дорога земля, которому дорога революция, должен немедленно бросить все сельские работы и на время взяться за оружие.

Товарищи! Пусть эту неделю исполняют сельские работы наши жены, сестры, дети. Неделю они смогут без ущерба для хозяйства проработать, а мы все, кто в состоянии нести оружие, встанем на защиту революции, на защиту Советской власти.

Каждый уездный, волостной и сельский

совет должен немедленно приступить к записи, немедленно организовывать отряды и направлять их для защиты революции.

Товарищи! Медлить нельзя ни минуты. Все к оружию!

Бросим на время все работы, но не дадим помещикам и капиталистам заковать себя в цепи.

Симбирский Губернский Исполнительный Комитет[1]

ПРИКАЗ
ПО I-й ВОСТОЧНОИ АРМИИ

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика переживает тяжелые дни, окруженная со всех сторон врагами, ищущими поживиться за счет русских граждан. Ими было подготовлено и поддержано разными продажными элементами контрреволюционное восстание чехо-словаков. Долг каждого русского гражданина взяться за оружие и отстоять государство от врагов, влекущих его к развалу.

Для создания боеспособной армии необходимы опытные руководители, а потому приказываю всем бывшим офицерам, проживающим в Симбирской губернии, немедленно встать под красные знамена вверенной мне армии.

---

[1] Это воззвание было написано и предложено губисполкому И. М. Варейкисом.

Сегодня, 4 сего июля, офицерам, проживающим в городе Симбирске, прибыть к 12 часам в здание Кадетского корпуса ко мне.

Неявившиеся будут предаваться военно-полевому суду.

Командующий I-ой Восточной армией
Тухачевский

Товарищ Председателя Симбирского Губернского Исполнительного Комитета
Иосиф Варейкис

4 июля 1918 года.
г. Симбирск.

ОБ ИЗМЕНЕ МУРАВЬЕВА

Всем, всем, всем!

Бывший главнокомандующий против чехословаков, левый эсер Муравьев, подкуплен англо-французскими империалистами.

Муравьев сбежал из штаба Революционного Военного Совета в Симбирск и отдал по всем войскам приказ повернуть против немцев, которые, будто бы взяли Оршу и наступают на нас.

Приказ Муравьева имеет своей предательской целью открыть Петроград и Москву и всю Советскую Россию для наступления чехословаков и белогвардейцев. Измена Муравьева своевременно раскрыта Революционным Военным Советом, и все войска, действующие против чехо-словаков, верны советской власти.

Сим об'является по всем войскам, по советам и всем гражданам Советской республики:

1. Нигде немцы на нас не наступают, на немецком фронте все спокойно.

2. Всякие призывы к наступлению на немецком фронте являются провокацией и должны караться расстрелом на месте.

Бывший главнокомандующий на чехо-словацком фронте, левый эсер Муравьев, об'является изменником и врагом народа. Всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте.

4. Все приказы по войскам, действующим против чехо-словаков, будут впредь до нового распоряжения подписываться Мехоношиным и Благонравовым.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Вл. Ульянов (Ленин)

(„Известия ВЦИК" 12 июля 1918 года).

ТЕЛЕГРАММА

Из Симбирска 2090, 276, 11,5, 40, принята 11-VII-18 г., 18 час. 55 м.

Срочно. Москва. Председателю Совнаркома ЛЕНИНУ, ЦИК, ЦК большевиков. В 9 часов вечера 10 июля главнокомандующий войсками против чехо-словаков. Муравьев, приехав с уфимскими отрядами, оцепил броневиками совдеп, арестовал часть членов совдепа, мотивируя арест тем, что он заключает мир с

чехо-словаками и об'являет войну с Германией. Он собрал находящиеся части в Симбирске и призвал последние итти с ним на Германию, а гражданскую войну прекратить. Рассматривая это как контрреволюционное выступление и измену советской власти, несколько человек, членов нашей партии, приняли все меры, чтобы навербовать в муравьевских частях сторонников, дабы арестовать Муравьева. Для этого были приглашены на конспиративное заседание представители из частей, подчиненных Муравьеву. После информации им о положении и выяснения по существу смысла заговора, представители в большинстве заявили, что являются сторонниками, защитниками советской власти. Они присоединились к нам. После этого были нами приняты все меры к аресту. В три часа ночи Муравьев пришел на заседание губисполкома вместе с фракцией левых соц.-рев. и предложил присоединиться к нему. Большевики заявили, что будут бороться против Муравьева. После такого решительного протеста, вынесенного нами, и после того как был оглашен на заседании ряд фактов, показывающих, что Муравьев дал уже распоряжение, чтобы открыть фронт, среди эсеров, составлявших большинство, наступило замешательство и они потребовали перерыва для обсуждения положения во фракции. После того Муравьев заявил, что ему нечего больше присутствовать, его дело сделано и он направился к двери. Уполномоченный для ареста Муравье-

ва из отряда заявил от нашего имени, что он арестован. Муравьев начал стрелять, одного ранил в этой перестрелке. Муравьев оказался убитым. Больше истская партия заявляет, что как ни опасна была эта задача, она с честью ее выполнила перед пролетариатом и революцией. На фронте снова установился образцовый порядок, части возвращены на позиции обратно. Временным главнокомандующим армии Восточного фронта нами назначен Тухачевский.

Член областного Бюро ЦК РКП(б) Юга России товарищ Председателя Симб. Губисполкома и председатель комитета большевиков *Варейкис* [1]

ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА, АРАЛОВУ
МОСКВА, ВОЕННЫЙ СОВЕТ, ПОДВОЙСКОМУ

На ваше обращение за № 144 ко всем советам заявляем: в вашем указании вкралась существенная ошибка. Муравьев не застрелился, а был застрелен во время ареста, ибо он оказал вооруженное сопротивление, что может подтвердить протокол вскрытия трупа и пять ран, а также и штыковые раны, а также Му-

[1] Когда эта телеграмма на имя товарища Ленина посылалась ночью 11 июля, в текст ее внес искажение Гольман, максималист, товарищ председателя губисполкома, приписав, будто бы эсеры не участвовали в заговоре с Муравьевым.

равьевым из браунинга ранены три красноармейца отряда, которым было поручено нашей большевистской фракцией арестовать Муравьева.

120 8 Председатель Совдепа *Варейкис*
(Фонд РВ[illegible]Р, ЦАКА, д. № 119—851, л 14.

ВОЗЗВАНИЕ

Товарищи красноармейцы, рабочие и крестьяне!

Контрреволюционные элементы, возглавляемые изменившим революции и продавшимся англо-французским империалистам полковником Муравьевым, решили поднять гражданскую войну, направляя рабочих на рабочих и крестьян на крестьян. Во главе этого восстания—изменник Муравьев, прикрывающийся лозунгом „война против Германии", а на деле решивший с самарскими, симбирскими и другими белогвардейцами итти против власти советов, против трудового народа, обрекая его на новые ужасные испытания и муки.

Путем обмана, лживых и гнусных обещаний он повел верные революционные войска к Симбирскому совету, арестовал несколько человек из партии коммунистов, занял телеграф, разослал провокационные телеграммы и т. п. Все же товарищи красноармейцы заявили, что они за контрреволюционерами не пойдут, а будут защищать советскую власть. Возмущенные провокацией уполномоченные

Красной Армии решили арестовать изменника Муравьева, но тот, не желая сдаться живым в руки наших солдат, начал отстреливаться, ранил несколько наших, товарищей, но ответным выстрелом был убит.

Таким образом не стало негодяя провокатора, решившего отдать русский трудовой народ на растерзание империалистам; не стало Бонапарта, афериста, который предлагал продать Советскую Россию. Революция одержала победу. Революция торжествует.

Все товарищи красноармейцы, рабочие и крестьяне, вставайте также бодро на свои места, идите на революционный фронт против чехо-словацких банд, будьте спокойны, будьте также революционны, тогда нам не страшна никакая измена и никакая контрреволюция.

Да здравствует революционный народ!

Да здравствует революционная Армия!

Долой с пути всех изменников!

Бодро вперед за полное торжество революции!

Председатель Симбирского Губисполкома

Варейкис

(„Известия Симбирского совета" от 12 июля 1918 г.)

МОСКВА, СОВНАРКОМ ЛЕНИНУ, ВЦИК СВЕРДЛОВУ

Сообщаю, что Муравьев убит во время ареста, ввиду оказанного им сопротивления; он первый выстрелил и ранил трех, после чего он был убит. Левые эсеры с начала заседа-

ния исполкома определенно, целиком, всей фракцией, поддерживали Муравьева и предлагали об'явить, соединившись с Самарой, Поволжскую республику, но, получив решительный отпор фракции коммунистов, по пред'явлении телеграмм, разосланных Муравьевым об отводе войск с позиций в Симбирск, Казань и Вятку, смутились, потребовали перерыва для фракционного совещания. Муравьев, видимо не ожидавший такой решительной оппозиции, заявил: для него вопрос почти ясен и он пойдет успокоить части солдат. В дверях при выходе из комнаты заседаний ему заявили, что он арестован; остальное известно. После этого фракция левых эсер в растерялась и заявила, что идет с нами и будет исполнять свои обязанности. Имея ввиду, что командование и военный комиссариат в Симбирске сосредоточен был преимущественно у них, мы решили временно оставить их на месте, чтобы резкая перемена не отразилась на фронте пагубно А в настоящий момент с ответственных мест их будем постепенно устранять. Сызрань была взята белогвардейцами в виду халатного отношения Муравьева. В Ставрополе положение благоприятное. Бугульма в наших руках, враг потерпел большой урон. Сызрань взята вчера утром; расположение наших войск неизвестно

Председатель Исполкома *Варейкис*

(ЦАКА, фонд РВСР, д. № 119-851, лист 9)

№ 11003
11 июля 1918 г.

МАНДАТ

Пред'явителю сего тов. Корнею Матвеевичу КИСЕЛЕВУ предписывается немедленно временно принять на учет и вступить в командование обезоруженным отрядом Муравьева, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Председатель *Иосиф Варейкис*

ПРИКАЗ № 1

ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО КОМЕНДАНТА ГОРОДА СИМБИРСКА

На основании постановления Губернского Исполнительного Комитета от 17-го сего июля я вступил в обязанности чрезвычайного Коменданта города Симбирска.

Именем Исполнительного Комитета призываю всех, кому дорога революция, сплотиться вокруг советской власти и встать в ряды борцов с обнаглевшей контрреволюцией для защиты революции и всех революционных завоеваний.

Заявляю, что всякие попытки контрреволюционеров и белогвардейцев поднять голову, будут немедленно пресекаться самыми решительными мерами.

Все сеющие ложные слухи и ведущие агитацию против советской власти об'являются врагами народа, вне закона.

Чрезвычайный Комендант
города Симбирска *И. Варейкис*

Помощники | *Цыганков*
Райс

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Страна Советов в начале гражданской войны . . . 3
II. Образование восточного фронта 11
III. Мятеж левых эсеров—пролог измены Муравьева 20
IV. Лицо предателя 24
V. Бегство Муравьева из Казани 33
VI. Подготовка ликвидации измены 41
VII. Смерть предателя Муравьева 48
VIII. Ликвидация последствий измены 57
Документы и материалы 70

Ответственные по выпуск *И. Кравченко, В. Гаев*
Технический редактор *М. Парасочко.*
Корректор *П. Стефанова*

Сдано в набор 25-VIII-36 г. Подпис. к печ. 9-IX-36 г.
Фор. бум. 62x94 1/32. Бум. л. 1 5/8. Печ. л. 3 1/4
Учет. автор. л. 3,3 Знаков в бум. листе 96000.
Уполномоченный Крайлит № —6709.
Тир. 5000. Цена 80 коп., переплет 60 коп.

Отпечатано в типо-литогр. из-ва „Сталинградская правда". Сталинград, Советская, 37. Зак. № 4285